

МГП и СМИ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Научный журнал об актуальных проблемах
международного гуманитарного права
и средствах массовой информации

№ 2 / 2018

В НОМЕРЕ: _____

Стр. 21

Семь
вопросов
гуманитарной повестки
современности

Стр. 28

О нормах
международного
права, применимых
к военному использованию
космического пространства

Стр. 56

Понятие и
сущность современного
международного
гуманитарного права

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Центр исследований деятельности информационных служб и СМИ в условиях вооруженных конфликтов издает научный журнал «Актуальные проблемы МГП и СМИ». Наш центр функционирует на базе Института журналистики, коммуникации и медиаобразования Московского педагогического государственного университета.

Основные задачи издания:

- пропаганда основ международного гуманитарного права;
- изучение специфики и закономерностей функционирования средств массовой информации и органов информационного обеспечения в условиях войн и вооруженных конфликтов;
- исследование особенностей взаимодействия СМИ с ведомственными органами информационного обеспечения в условиях войн и вооруженных конфликтов, террористических актов и чрезвычайных ситуаций;
- популяризация знаний о способах взаимодействия журналистов и органов информационного обеспечения в условиях войн, вооруженных конфликтов, террористических актов и чрезвычайных ситуаций;
- изучение теории и практики отечественной и зарубежной военной журналистики.

Приглашаем к сотрудничеству исследователей в сфере международного гуманитарного права (МГП), теории и практики военной журналистики, профессиональных журналистов, преподавателей, аспирантов и магистров.

Главный редактор Андрей Козлов.

Редакционная коллегия

Главный редактор – **А.В. Козлов**, доктор исторических наук, профессор.

Заместель главного редактора – **Е.А. Младковская**.

Ответственный секретарь – **А.Ш. Салихов**, кандидат исторических наук.

Члены редколлегии:

С.Н. Бабурин, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РФ, президент Международной Славянской академии наук, образования, искусств и культуры.

Т.Н. Владимирова, проректор, директор Института журналистики, коммуникации и медиаобразования Московского педагогического государственного университета, доктор педагогических наук, доцент.

Н.А. Карташов, шефредактор журнала «Человек и Закон», заслуженный работник культуры Российской Федерации.

А.Е. Карлов, начальник учебно-методического отдела Военного университета МО РФ, кандидат психологических наук, доцент.

Т.Д. Матвеева, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права юридического факультета Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

В.А. Силкин, секретарь Союза писателей России, заслуженный работник культуры Российской Федерации, кандидат педагогических наук.

З.А. Станкевич, доктор юридических наук.

В.Н. Литовкин, военный обозреватель ТАСС.

О.И. Чердаков, проректор по учебной и научной работе Международного юридического института, доктор юридических наук, профессор.

В.И. Черемухин, секретарь Союза журналистов Москвы.

Т.М. Шамба, президент Коллегии адвокатов города Москвы «ТАМИР», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

К рассмотрению принимаются рукописи объемом не более одного авторского листа, набранного в текстовом редакторе Word через два интервала с концевыми ссылками на использованные источники.

Статьи необходимо присылать в адрес редакции (mgs_smi@mail.ru).

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № ФС 77 – 66970 от 25.08.2016 года.

Адрес редакции: 109240, г. Москва, ул. Верхняя Радищевская д. 16-18, тел: +7 (926) 2751075.

E-mail: mgs_smi@mail.ru

В выпуске журнала принимали участие студенты Института журналистики, коммуникации и медиаобразования Московского педагогического государственного университета А.А. Агагулян, Е.Г. Волкова, К.А. Денисова, М.Ю. Лотарева, В.А. Козлова, К.С. Кирсаненко, А.С. Кирсаненко. Перевод – В.А. Козловой.

Подписано в печать 29.04.2018 г.

Типография «Белый Ветер». Тираж 500 экз. Заказ № 623.

Москва, ул. Щипок, д. 28

Тел.: (495) 6518456.

Email: wwprint@mail.ru

© Журнал «Актуальные проблемы МГП и СМИ», 2018.

*Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

СОДЕРЖАНИЕ

ЖУРНАЛИСТ НА ВОЙНЕ

Лебедев А.В.

Lebedev A.

Суровая школа фронтовой газеты.....	4
The severe school of the front-line newspaper	4

НОВОСТИ «ГУМАНИТАРИУМА»

Проблемные вопросы международного гуманитарного права как объект научного исследования	14
Problematic issues of international humanitarian law as an object of scientific research.....	14
Применение международного гуманитарного права в космическом пространстве	15
Application of international humanitarian law in outer space.....	15
Патрик Виаль: МККК – нейтральный посредник в решении гуманитарных проблем	18
Patrick Vial: The ICRC is a neutral mediator in solving humanitarian problems.....	18

КОНФЕРЕНЦИИ

Теория и практика отечественной журналистики	20
Theory and practice of native journalism	20

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МГП

Маурер Петер

Maurer P.

Семь вопросов гуманитарной повестки современности	21
Seven issues of the humanitarian agenda of our time.....	21

Барсегов Г.Ю.

Barsegov G.

Громыко Ю.Р.

Gromyko Y.

Проблема различий в толковании права на самооборону в космосе в контексте анализа применения международного гуманитарного права	24
The problem of differences in the interpretation of the right to self-defense in outer space in the context of the analysis of the application of the international humanitarian law	24

Морозова Э.Л.

Morozova Elina

Васянин Я.Е.

Vasianin Iaroslav

О нормах международного права, применимых к военному использованию космического пространства.....	28
The Rules of International Law Applicable to Military Uses of Outer Space	28

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Базаркина Д.Ю.

Bazarkina D.

Коммуникационное обеспечение антитеррористической деятельности как часть стратегической коммуникации: теоретические подходы и практические вызовы (на опыте ЕС)	37
Communication support of antiterrorist activity as a part of strategic communication: theoretical approaches and practical challenges (on EU experience).....	37

Трибуна соискателя

Грунтовский Г.И.

Gruntovskiy G.

Россия в борьбе с современным международным терроризмом	44
Russia in the fight against modern international terrorism	44

История, теория и практика военной журналистики

Половенко О.П.

Polovenko O.

Золотой фонд российской прессы (журналу «Морской сборник» – 170 лет)	52
Gold fund of the Russian press (to magazine "Sea collection" – 170 years)	52

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ ДИСЦИПЛИНЫ «МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО И СМИ»

Матвеева Т.Д.

Matveeva T.

Понятие и сущность современного международного гуманитарного права.....	56
The concept and essence of modern international humanitarian law.....	56

Память

Карнов Б.В.

Karnov B.

При выполнении редакционного задания	66
By doing an editorial assignment	66

Конкурсы и олимпиады

Лебедев Александр Владимирович, военный журналист, магистр Института журналистики, коммуникации и медиаобразования Московского педагогического государственного университета.

E-mail: lebed74@list.ru

СУРОВАЯ ШКОЛА ФРОНТОВОЙ ГАЗЕТЫ

Софронов Игорь Евгеньевич, заместитель главного редактора журнала «На боевом посту» войск национальной гвардии Российской Федерации, полковник.

Заслуженный работник культуры РФ, один из авторов документальной ленты «Пленные и забытые», удостоенной телевизионной премии «Тэффи», дважды лауреат премии МВД России, автор более 10 книг и сценариев к документальным фильмам. В 1996 г. выполнял служебные обязанности корреспондента в составе временной редакции газеты «Солдат правопорядка» группировки внутренних войск МВД России на территории Чеченской Республики.

В 1994 г., после того, как части Российской армии и внутренних войск МВД России вошли в Чеченскую Республику для восстановления конституционного порядка, командование приняло решение о создании временной редакции по выпуску газеты «Солдат правопорядка». Она предназначалась для информирования солдат и офицеров, которые выполняли задачи по борьбе с незаконными вооруженными формированиями непосредственно в зоне боевых действий. Газета выходила еженедельно с января 1995-го по декабрь 1996 г.

— **Игорь Евгеньевич**, историю отечественной журналистики трудно представить без очень важного ее этапа, связанного с выпуском так называемых «фронтовых газет». В них в свое время трудились не только журналисты, но и крупнейшие отечественные писатели: Михаил Шолохов, Константин Симонов, Валентин Катаев, Евгений Петров, Алексей Толстой. Но это, кажется, было так давно — в годы Великой Отечественной. Тем удивительнее узнать, что и в новое, мирное время в нашей стране выпускались подобные издания. Как это происходило? Чем было вызвано? Давайте вспомним.

— Давайте. Связано это, в первую очередь, с драматическими моментами нашей недавней истории, когда страна со второй половины 1980-х — начала 1990-х гг. столкнулась с разгоревшимися по периметру ее границ вооруженными конфликтами, с нарастающими проблемами сепаратизма, а позже — терроризма и разгулом преступности. И хотя с тех пор прошло уже больше 20 лет, я прекрасно помню то время. Особенно сложно складывалась обстановка на Северном Кавказе, крайне остро стоял вопрос информационного обеспечения проводимой в Чечне операции — так называемой первой чеченской кампании, в которой участвовали и подразделения Российской армии, и внутренние войска, и правоохранительные органы. Прямо скажем, война в Чечне была крайне непопулярна в обществе, силовые действия государства по восстановлению в республике конституционного порядка подвергались жесткой критике со стороны средств массовой информации. Общий информационный фон был скорее негативным, он усугублялся тем, что дудаевские сепаратисты имели возможность активно действовать в российском и зарубежном информационном поле, у них охотно брали интервью, они свободно публиковали свое мнение на страницах центральных газет, выступали в эфире телеканалов. Пожалуй, эта ситуация как нельзя более точно характеризовалась модным нынче термином «информационная война». Причем государство в этой войне занимало крайне невыгодную для себя оборонительную позицию. Не было ни соответствующего опыта, ни достаточных ресурсов. Сказался также и настоящий кризис доверия между СМИ и государственными органами. Сепаратистам журналисты доверяли больше, чем официальным

представителям власти. Позднее многие российские политики и высокопоставленные военные откровенно признали, что та информационная война российской властью была начисто проиграна. Последствия при этом оказались очень тяжелыми. И для армии, и для общества, и главное — для безопасности страны.

— **То есть информация о событиях в Чечне носила односторонний характер?**

— Достаточно просмотреть заголовки центральной прессы того периода. И все же, если общество хотя бы имело возможность читать газеты различного спектра, смотреть передачи, слушать радио, где все-таки, при желании, можно было найти разные мнения на счет разворачивающихся в Чечне событий, то в самой группировке внутренних войск, ввиду объективных сложностей того времени, военнослужащие практически были отрезаны от получения какой-либо информации. Газеты до частей не доходили, или доходили от случая к случаю и со значительным опозданием. О просмотре телепередач в тех походно-полевых условиях и говорить не приходилось. Войска жили в поле, в палатках, стояли на блокпостах, опорных пунктах, буквально в окопах — месяцами. Сейчас это трудно представить, но тогда не то что интернета — электричества не было!

— **Но без информации ведь никак. И солдат, и офицер, тем более, выполняющий задачи внутри страны, должен знать, чем живет страна, как она воспринимает этот самый процесс «восстановления конституционного порядка». В конце концов, информационный вакуум может крайне негативно отразиться на морально-психологическом состоянии человека...**

— Конечно. Кстати, знаю, что военные психологи проводили исследования по теме информирования военнослужащих в зоне боевых действий. Они однозначно подтверждают ваш тезис — сильнее бьет по моральному состоянию человека в погонах даже не столько критическая или негативная информация, сколько ее полное отсутствие, невозможность ее получения в течение длительного периода. Поэтому командование внутренних войск было заинтересовано не только в том, чтобы любыми путями доводить свою точку зрения до общественности, но и иметь собственный информационный ресурс — газету, которую бы регулярно читали сами военнору-

жащие, и которая предназначалась именно для них. Такая своего рода «фронтовая газета» — как во время Великой Отечественной войны. Практика выпуска подобных изданий имела. Такие газеты выходили в Афганистане для нашего Ограниченного контингента войск, похожие издания выпускались в зоне приднестровско-молдавского конфликта для солдат и офицеров 14-й общевойсковой армии и личного состава Совместных миротворческих сил в Приднестровье, в Таджикистане, где Российская армия и пограничники помогали преодолеть последствия гражданской войны. Главное — для этого имелись и соответствующие ресурсы, и подготовленные военные журналистские кадры.

— Хотелось бы узнать подробнее о механизме направления журналистов в сменную редакцию. Ведь все знали, что работа в ней может быть сопряжена с риском для жизни. Не было ли отказов?

— Мне такие случаи не известны. Мы хоть и журналисты, но носим погоны, поэтому приказ есть приказ. Он не обсуждается, а выполняется. Да и честно говоря, к сложностям и опасностям нам не привыкать. С 1988 г. внутренние войска без перерыва выполняли задачи в особых условиях — пресекали межнациональные конфликты, вспыхивающие по периферии разваливающегося Союза. Большинство войсковых журналистов имели опыт работы в горячих точках, в Чернобыле, в условиях разрушительного землетрясения в Армении. Так что когда поступила команда отправляться в Чечню — просто собрали вещмешки, взяли аппаратуру и поехали работать.

— Как и вы?

— Как и я, конечно. Согласно направленному в регионы графику в состав временной редакции должны были выделяться военные журналисты и полиграфисты внутренних войск сначала сроком на 45 суток, потом на 2 месяца. На газету Приволжского округа внутренних войск, где я в то время работал корреспондентом, очередной срок командировки сменной редакции выпадал на февраль-апрель 1996 г. Состав временной редакции был таким: редактор, корреспондент, фотокорреспондент и два полиграфиста — линотипист и печатник. Люди набирались, как правило, из разных окружных газет, чтобы не оголять творческие коллективы и не осложнять выпуск изданий на местах.

В нашей временной редакции редактором был Игорь Акимов из Санкт-Петербурга, корреспондентом – я, фотокором – Владимир Бобров из Екатеринбурга, линотипист был из Нижнего Новгорода и печатник, по-моему, с Урала.

– **А где располагалась редакция. Прямо в Чечне?**

– Нет. Редакция размещалась во Владикавказе, в одном из зданий типографии училища внутренних войск. Это был наиболее близкий к зоне боевых действий в Чечне город, в котором имелась необходимая для выпуска газеты полиграфическая база. В Чечне такой базы попросту не было. Владикавказ в то время был наводнен военными, в повседневной жизни ощущалась эта близость к войне. Такая прифронтовая обстановка чувствовалась во всем. При этом, конечно, бурлила вполне себе мирная жизнь – работали кафе, рестораны, рынки, дети ходили в школу, студенты учились, люди работали.

Типография училища, которая на два года стала для временной редакции газеты «Солдат правопорядка» вторым домом, печатала училищную газету, различную учебную литературу, бланки и т.д. Она работала достаточно интенсивно, была оснащена не новым, но вполне работоспособным оборудованием высокой печати. И так как ее техника была днем задействована, то нашу газету мы печатали в основном по вечерам и ночью. Наши полиграфисты днем отсыпались, а когда их коллеги разъезжались по домам, окончив смену, начинали работать.

– **Еженедельная газета предполагает жесткий график выхода в свет. Как в тех условиях удавалось наладить выпуск газеты? Как шло ее распространение?**

– График работы был примерно такой. Редактор (он и планировал, и макетировал газету) и полиграфисты, как правило, оставались во Владикавказе, готовя номер к печати. Мы с фотокором уезжали в группировку в Чечню, где проводили 3-4 дня, а к выходным возвращались обратно. За два выходных дня отписывались, что-то срочное успевали выдать в свежий номер, а также сделать какой-то запас на следующий. Обычно это были 2-3 больших материала – репортаж, зарисовка о человеке – и 5-6 разных заметок. В понедельник забирали свежий тираж с собой и снова отправлялись в Чечню. И так по кругу, неделя за неделей. Этот алгоритм сложился сам собой еще в первые месяцы работы сменной редакции и, знаю, поддерживался до самого конца выпуска газеты и другими коллегами. В общем, для нас, военных журналистов, это были два месяца бесконечных разъездов. Такая кочевая жизнь.

– **Как добирались в группировку войск в Чечне?**

– Для того чтобы попасть на территорию группировки, мы отправлялись попутными рейсами с аэродрома в Беслане. Там базировались вертолеты внутренних войск. Была еще одна вертолетная площадка Шалхи на окраине Владикавказа, где стояли вертолеты Российской армии. Оттуда было сложнее вылететь. Нас, представителей другого ведомства, неохотно брали на армейский борт.

В группировку не всегда удавалось улететь вовремя. Тут как повезет. Бывало, что целый день проведешь на аэродроме – или нелетная погода (во Владикавказе туманы очень часто в это время года), или борт идет не туда, куда нужно. Тогда, чтобы не терять драгоценного времени, собирали информацию прямо там, в Беслане. Разговаривали с летчиками, с теми военными, кто возвращался из Чечни во Владикавказ, с врачами, доставлявшими раненых в госпиталь. Случалось, помогали переносить или переводить перебинтованных солдат и офицеров из вертолета до санитарных машин. Госпитальные врачи уезжали, а мы успевали переговорить с фельдшерами и медсестрами, которые оставались ждать обратный борт. И расспрашивали их о боях.

– **Интересно, как была организована ваша работа в зоне боевых действий?**

– Всегда старались попасть в Ханкалу, там располагался штаб группировки и были сосредоточены все нити управления, вся информация по проводимым операциям стекалась в штаб. Там же находился отдел по работе с личным составом, офицеры которого нам помогали с темами публикаций, организацией работы. Они же обеспечивали распространение газеты по воинским частям группировки в Чечне. Здесь же, в Ханкале, удавалось ознакомиться со свежими наградными листами. Писали об отличившихся солдатах, прапорщиках, офицерах. Но специфика такая была в газете – мы не давали фамилии, ограничивались именем и первой буквой фамилии. Особенно летчики и спецназовцы за этим смотрели.

– **Работали всегда вместе или все-таки каждый собирал материал самостоятельно?**

– В группировке мы, как правило, работали вдвоем и старались держаться вместе. Один пишет, другой снимает. А вот уже непосредственно при работе в воинской части в том или ином районе Чечни, куда из Ханкалы добирались попутным бортом или с войсковой колонной, мы разделялись, чтобы собрать максимальное количество материала. Если на месте удавалось попасть на какую-то спецоперацию по разоружению бандформирований, когда знали, что для репортажа обязательно нужен фоторяд, то, конечно, работали вдвоем, в других случаях можно было разделить. Например, пока я беседовал где-нибудь в палатке или на блокпосту с солдатами или офицерами о произошедших событиях, так сказать по горячим следам, фотокор искал себе фактуру для снимков. Володя Бобров был боевой парень, он нередко успевал мотнуться с саперами или разведчиками куда-нибудь и отснять там материал.

– **Он только фотографировал или же мог и написать что-нибудь?**

– Владимир был очень опытным фотокорреспондентом. Всегда записывал фактуру – фамилии, название мест, какие-то детали. И потом, сделав снимки, он раскладывал их передо мной и пояснял – этот вот так, это вот такой-то. И я как бы его глазами видел все, что происходило, и писал по этой фактуре текст. Он был классный фотограф! Подготовленные таким образом материалы потом под его фамилией публиковались в нашей газете.

Сложнее было выбраться с места событий. Я порой сердился на Володю – за его бесшабашность, неугомонность. Тут попутный рейс подошел, нужно срочно улетать или уезжать, чтобы вовремя сдать материал в номер, а его все нет, он где-то с разведчиками носится. Бывало так, что два-три раза я к себе в редакцию возвращался без него, а он уже потом подтягивался.

— Военные люди не всегда охотно общаются с представителями прессы. По разным причинам: начальство не так поймет, нельзя какие-то закрытые сведения сообщать, да и просто из-за недоверия к пишущей братии. Каков ваш личный опыт общения с солдатами, офицерами, генералами?

— Вы правы, люди к нам относились по-разному. В то время отношение к прессе у военных вообще было неоднозначное. Журналист воспринимался в войсках... как бы поточнее слово подобрать... — сложно. Это я мягко выражаюсь. Но нам было, конечно, проще. Мы были в погонах, мы были свои. И если первоначально возникала какая-то напряженность, то она быстро пропадала. Мы с героями своих материалов говорили на одном языке, умели слушать людей, а им действительно было что рассказать. У многих, что называется, наболело, хотелось честно выплеснуть свои мысли, чувства и так, чтобы их не исказили, не перевертали. Самое ценное, что я тогда вынес из командировки, из встреч с нашими солдатами и офицерами и чем дорожил тогда и дорожу сейчас — их доверием. Завоевать его было сложно, а растерять можно было в одну минуту. Неточной фразой, ненужным украшательством, преувеличением. Я уж не говорю об обычном вранье. Поэтому я старался писать только о том, что лично видел, что испытал, что сам услышал от этих людей, а не доверился чьему-то пересказу или тем более каким-то слухам.

— С кем было проще — с командирами, начальниками или с простыми солдатами?

— Настороженность, как правило, проявляли должностные лица командования группировки, воинских частей. Они были облечены ответственностью, старались очень осторожно выдавать информацию. Но все равно это было вначале, а потом, когда командиры читали наши материалы, видели нашу газету, то гораздо охотнее шли на контакт, давали комментарии. С простыми же ребятами — солдатами, младшими офицерами — вообще быстро удавалось найти общий язык. Особенно на дальних заставах, в отдаленных, богом и начальством забытых районах. Там, где люди месяцами были отрезаны от всего, где ежедневно рисковали жизнью, жили и воевали в тяжелейших условиях, но не падали духом и честно выполняли свои обязанности. Для них приезд любого нового человека — а тем более журналиста — был событием.

– Наверное, они вас больше спрашивали, чем вы – их...

– И так тоже бывало. Я помню, несколько раз ощущал себя не в роли журналиста, а наоборот, того, у кого берут интервью. Когда меня просто засыпали вопросами: как там, на Большой земле, какие перспективы? Почему страна так относится к военным? Для чего мы здесь? Когда война кончится? Выполняли мы и важную – так сказать – общественную миссию, забирая с собой солдатские письма, чтобы отправить их по адресам родных и близких. А если через неделю, через две удавалось попасть снова в эту часть, да еще привезти с собой газету с материалом, то становились с ребятами настоящими друзьями. Видел, с каким интересом они ее читали, как бережно потом хранили. Тем более что газета для них была своего рода еще одним документальным свидетельством того, что парень выполнял задачи в условиях боевых действий, не штаны просиживал где-нибудь в штабе. Знаю, что такие наши публикации помогли потом ребятам получить положенные льготы как ветеранам боевых действий.

– А гражданские коллеги? Встречались ли с ними? Ведь в то время, я знаю, они довольно свободно перемещались по всей Чечне, в зоне боевых действий их работа мало кем контролировалась и не имела практически никаких правовых ограничений. Какая-то упорядоченность в этом отношении стала появляться только во время второй чеченской кампании...

– Да, с гражданскими коллегами мы пересекались. Часто это происходило в Беслане. Не сразу, а спустя некоторое время, мы поняли, что очень много информации можно было получить именно там. На аэродроме в Беслане проходила перегруппировка войск, люди приезжали, уезжали, здесь же, на аэродроме, принимали раненых. И если не успевал подъехать медтранспорт из госпиталя, раненые некоторое время находились здесь, прямо на летном поле. С кем-то из них, кто не стонал от боли, был в сознании, можно было переговорить. Вот этим хорошо пользовались наши гражданские коллеги. Для них это была находка. Перед ними – люди с оружием, люди с боевой техникой. В окровавленных бинтах – картинка! Можно снять удачный кадр, не выезжая в зону боевых действий. Но именно тогда, понаблюдав за всем этим, я пришел к пониманию того, что нельзя разговаривать с солдатом, который только что вышел из боевой операции, тем более с получившим ранение.

– Почему? Ему трудно говорить?

– Он находится в неадекватном состоянии. Прежде всего, психологическом. У одного прямо на глазах погиб товарищ, другой видел, как оторвало ногу, руку у сослуживца. Третий чудом выжил в жестоком бою, в котором бандитским огнем положило пол взвода... А тут к нему лезут с камерой, микрофоном... Наговорить можно в таком состоянии что угодно. И это потом транслируется на всю страну, обрастает слухами, ужас и кошмар множится. В итоге с помощью прессы формируется картина полной катастрофы, безнадежности... Мы для себя сделали вывод, что не будем использовать полученную таким образом информацию. Приняли такой внутренний этический запрет. К сожалению, не все наши гражданские коллеги придерживались подобных норм этики в своей работе. Видели мы там же, в Беслане, как журналисты из крупной российской телекомпании имитировали боевые действия, чтобы снять эффектный кадр. Так сказать устраивали показательные бои. Не берусь утверждать, но слышал от других знающих коллег, что такие вышедшие в эфир репортажи, в которых есть боевая техника, стрельба в кадре ценились руководством телеканала в денежном отношении особенно высоко. То есть можно было снять «боевой» сюжет, не выезжая в зону боевых действий, и получить повышенный гонорар.

– Вам самому тогда удалось сделать настоящий боевой материал? Репортаж?

– Запомнилась работа под Серноводском. Это было в марте 1996-го. Войска проводили масштабную спецоперацию по освобождению города от незаконных вооруженных формирований. Операция шла трудно. Дудаевцы устроили в городе укре-

пленные огневые точки, прикрывались мирными жителями. Первый штурм города бандиты отбили, войска понесли потери, были раненые, погибшие. Тогда командование применило обходной маневр, и в город войска заходили со стороны Сунженского хребта, как бы сверху. Все прошло удачно, с минимальными потерями город был освобожден, правопорядок в нем восстановлен. Мы были непосредственными свидетелями этой спецоперации, находились и на командном пункте, и в боевых порядках. Подготовили репортаж о том, что видели сами. Он вышел в нашей газете, его также с радостью взяли для публикации коллеги из газеты 58-й армии, штаб которой располагался как раз во Владикавказе. Более того, когда мы спустя пару недель прибыли в станицу Ассиновскую, это недалеко от Серноводска, то сами видели, как нашу газету с интересом читают гражданские жители, эвакуированные из города накануне операции. Ведь у них практически не было никакой информации о том, что происходило в Серноводске в те дни. Узнать о произошедшем они смогли только из нашей газеты, тем более там встречались знакомые им названия улиц, зданий — школы, насосной станции, автостанции, которые упоминались в тех или иных боевых эпизодах... Мы разговаривали с ними, обсуждали все это, я запомнил их добрые слова в наш адрес...

— **Что особенно врезалось в память о тех днях, проведенных в командировке?**

— Опять вспоминаю Серноводск. Когда там проводилась спецоперация, в эти же дни обстановка крайне обострилась в Грозном. Бандиты предприняли масштабное нападение на наши воинские части, на КПП, на административные здания. В то время в Грозном стояла наша приволжская бригада внутренних войск. В ней замкомроты служил мой родной брат. И вот сюда, под Серноводск, дошла информация о тяжелых боях в чеченской столице. Конечно, я стал тревожиться за судьбу брата. Помню, сидел я в штабной палатке и что-то записывал в блокнот. В это время, завершив совещание, мимо прошел командующий группировкой генерал Маслов. Он меня немного знал, потому что уже давал несколько раз комментарии по каким-то событиям. Увидев меня, сразу спросил, чего я такой хмурый. Я ему объяснил, что вот, в Грозном бои, переживаю за брата, никакой информации о нем нет. Он меня немедленно позвал с собой в командно-штабную машину, где принимал доклады подчиненных об обстановке в разных районах республики. После докладов вызвал оперативного дежурного по штабу группировки в Ханкале. И поставил ему задачу выяснить судьбу моего брата и доложить. Так и сказал: «Зовут Максим Софронов. Звание старший лейтенант. Замкомроты в приволжской бригаде». Дал мне трубку и сказал: «Жди, сейчас тебе скажут». И ушел. Ему срочно нужно было куда-то идти. Через несколько минут раздался голос дежурного. Он по-военному доложил: «Товарищ генерал, старший лейтенант Софронов пока живой». «Спасибо», — сказал я и положил трубку. На душе отлегло. Недели через две, уже в каком-то окопчике под Самашками, командующий снова увидел меня. Сразу спросил, как брат. Я ответил, что ничего, жив-здоров, воюет. Удивило, что в таком напряжении, когда боевые действия шли без перерыва, командующий вспомнил о том, вроде бы незначительном для него, эпизоде с моим братом.

А потом наш фотокорреспондент Владимир Бобров подорвался на mine. Прямо перед 1 апреля. И честно сказать, было тогда не до шуток.

— **Остался в живых?**

— Слава Богу, да.

— **Как это случилось?**

— Мы поехали в район селения Новогрозненский, чтобы собрать материал для очередного номера. Володя, который изнывал от ничегонеделанья, пока я беседовал с людьми, решил смотаться с разведчиками, которые куда-то отправились с боевым заданием. Заскочил на броню БТРа и рванул с ними. Они быстро доехали до какого-то оврага и попали на минное поле. Взрыв был очень сильный, сработала проти-

вотанковая мина. У бронемашин вырвало колесо. Всех, кто сидел на броне, смело взрывом, но повезло — погибших не было. Володя тоже был ранен. Он упал, а рядом с ним в грязь плюхнулся сорванный взрывом бронелюк. У Володи серьезно пострадали глаза, была раздроблена нога. Он когда пришел в себя, то первым делом стал тревожиться за фотоаппарат. Камеру «Никон» он на свои деньги купил прямо перед командировкой. Солдат-разведчик принес ему на лопате отлетевший на десяток метров объектив: «Ваш?» — «Мой». «Никон» восстановлению не подлежал. Володя по-настоящему любил свою профессию, это мужественный человек, профессионал. Лежа перевязанным на земле, дожидаясь эвакуации, он вспомнил о втором фотоаппарате — отечественном «Зените». И стал снимать все, что в это время происходило вокруг. Как собирали и перевязывали раненых, как направленный к месту подрыва танк с минным тралом выехал на минное поле, как снова прогремели два взрыва. Володя все это снял. Потом подошла санитарная машина, забрала его и других раненых в госпиталь во Владикавказ... А его фотосъемку мы опубликовали сначала в газете, а позже — в журнале «На боевом посту».

— **А вы как узнали о несчастье с вашим товарищем? Владимир ведь не сообщил вам о своем желании отправиться с разведчиками?**

— Нет, не сообщил. Я и правда ничего не знал до поры до времени. Мы разделились, я уехал в другую часть, откуда меня попутным рейсом забрала "вертушка" во Владикавказ. Не забуду, как я зашел в комнату, где мы отдыхали, и увидел сидящую с каменными лицами редакцию. Смотрю — на Вовкиной кровати лежит разорванный окровавленный бушлат, какие-то вещи, кобура, портупоя. В общем, все, кроме Володи. И тут редактор мой, Игорь Акимов, с серым перекошенным лицом смотрит на меня и в сердцах бросает: «Что ... доездили? Говорил же, никуда не лезьте». Сказал и выскочил из комнаты, хлопнув дверью. Я понять ничего не могу: «Что случилось-то?» Ребята мне все и рассказали. Акимов накануне нашего отъезда в группировку будто что-то чувствовал, не хотел отпускать, просил быть осторожнее...

Потом мы Володю уже в госпитале навещали. Ему там операцию на глазах сделали, из ноги осколки доставали, собрали ее по кускам. Потом его в Самару эвакуировали, в другой военный госпиталь. Вылечили, поставили на ноги.

— **Игорь Евгеньевич, в завершении нашего разговора хотелось бы узнать, как лично вы оцениваете практику издания подобной газеты? Что лично для вас дала работа в ней? Каков он, этот опыт, — положительный или, напротив, о котором хочется забыть?**

— Забыть не удастся. Слишком многое врезалось и в память, и в сердце. А сама практика издания такой газеты, я думаю, была вполне оправдана. В тех условиях трудно было как-то по-другому поступать. Тираж был небольшой — 999 экземпляров, но газета была востребована. Это я видел своими глазами. Благодаря работе в сменной редакции имелась уникальная возможность получать информацию не с чужих слов, а в условиях реальной обстановки, непосредственно общаться и с нашими военнослужащими в боевых порядках, там, где, что называется, не ступала нога ни одного гражданского журналиста, а кроме того — и с местным гражданским населением. Это давало возможность на многое происходящее смотреть, так сказать, более широким взглядом. Видеть своими — а не чужими глазами — и подвиг, и трагедию той войны. Шло накопление материала, который потом помогал восстанавливать события. В том числе и специалистам, профессионально занимающимся изучением новейшей истории России. Для меня лично это была драгоценная журналистская практика, я нарабатывал бесценный опыт, которому никто никогда не научит ни в одном институте. Особенно ценными считаю свои личные ощущения, то, что пережито и передумано. Это потом очень помогало в журналистской работе, во время бесед с участниками и очевидцами событий на Северном Кавказе.

— **Что вы имеете в виду?**

— Понимаете, когда тебе собеседники рассказывают, как идет бой, как свистят пули, как подбивают БТР, как вытаскивают и спасают раненых, что чувствуют люди, только что вышедшие из боя, ты не просто фиксируешь чужие воспоминания — ты все это прекрасно понимаешь. Потому что сам это испытал. Я после командировки года два помнил запах машинного масла, запах горящих скатов бронетранспортера и пороховой гари, запах окровавленных бинтов, который вообще ни с чем не спутаешь... Для меня рассказы героев моих последующих материалов были наполнены и содержанием, и ощущениями, которые я старался передать в своих публикациях, в книгах. И мне очень хорошо видно в чужих материалах о войне — был человек ТАМ или придумывает, домысливает, наворачивает ради красного словца. Или просто врет...

Важным для себя, как военного журналиста, считаю собственно практику работы в зоне боевых действий. Потому что появилось понимание того, где лучше находиться. Одно дело, когда ты идешь в штурмовой группе или в разведдозоре, и другое — если ты находишься на командном пункте, куда стекается информация из разных мест и картина происходящего гораздо шире.

И еще один немаловажный момент. Именно там, в Чечне, у меня завязывались знакомства, устанавливались человеческие отношения с молодыми офицерами, которые потом росли, двигались по карьерной лестнице, занимали другие, более ответственные должности, и с которыми я спустя годы пересекался для подготовки новых материалов. Конечно, личное — «фронтное» — знакомство помогало в работе, способствовало более доверительному, а значит и более содержательному, общению с ними. И снова мы возвращаемся к доверию. Я и сегодня по-прежнему ценю его гораздо больше, чем сиюминутную выгоду, выраженную в кратковременной славе или материальных благах.

Записал Александр Лебедев.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В Региональной делегации Международного Комитета Красного Креста в России, Беларуси и Молдове прошел круглый стол по теме: «Проблемные вопросы международного гуманитарного права как объект научного исследования».

В ходе дискуссии обсуждались вопросы: «Основные задачи МККК, взаимодействие с вооруженными силами и международными организациями, содействие развитию, имплементации и интеграции МГП», «Интеграция международного гуманитарного права в образовательный процесс высших военно-учебных заведений как фактор эффективного выполнения государством своих международно-правовых обязательств», «Выполнение норм МГП военнослужащими при решении задач в составе КСОР ОДКБ», «Актуальные проблемы МГП», «Универсальность международного гуманитарного права в условиях изменения характера современных войн и вооруженного конфликта», «Возможности использования аппаратно-программного комплекса «Компьютерная сферическая панорама» для фиксации доказательств при расследовании преступлений в районах вооруженного конфликта», «Академические программы сотрудничества высших учебных заведений с МККК» и др.

С докладами на площадке «Гуманитариума» выступили: руководитель отдела по взаимодействию с вооруженными силами и силами безопасности Региональной делегации МККК О.С. Бондаренко, профессор кафедры конституционного, государственного и международного права Военного университета МО РФ, доктор юридических наук Р.А. Каламкарян, докторант Военного университета МО РФ, кандидат юридических наук М.В. Конохов, профессор кафедры конституционного, государственного и международного права Военного университета МО РФ, доктор юридических наук А.Г. Чернявский, доцент кафедры криминалистики Военного университета МО РФ, кандидат юридических наук М.С. Кузнецов, профессор кафедры международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, кандидат юридических наук В.А. Батырь и др.

В завершении круглого стола перед собравшимися выступила руководитель московского центра «Гуманитариум» при Региональной делегации МККК В.К. Зотикова. Она рассказала собравшимся о новых возможностях гуманитарной площадки по поддержке исследований в области МГП.

Валерия Козлова.

Фото пресс-службы МККК в России, Беларуси и Молдове.

ПРИМЕНЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА В КОСМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

16 марта 2018 г. в Региональной делегации Международного Комитета Красного Креста в России, Беларуси и Молдове прошел круглый стол по теме: «Применение международного гуманитарного права в космическом пространстве: существующие подходы и вызовы».

Мероприятие прошло на площадке «Гуманитарiums» Региональной делегации Международного Комитета Красного Креста (МККК) в России, Беларуси и Молдове. Известные российские ученые, представители органов государственной власти и дипломатического сообщества, представители исследовательских институтов и неправительственных организаций из России, других государств-участников СНГ и зарубежные эксперты обсуждали вопросы: «Применимость международного гуманитарного права (МГП) в космосе»; «Руководство по международному праву, применимому к военному использованию космического пространства: цели, достижения и трудности, связанные с процессом разработки»; «Соотношение МГП и международного космического права»; «Регулирование размещения и использование обычных видов оружия и оружия массового уничтожения в космическом пространстве»; «Применение принципов различия и пропорциональности при ведении военных действий в космосе» и др.

Со вступительным словом к участникам обратился Магне Барт, глава Региональной делегации МККК в России, Беларуси и Молдове:

«Сегодня нам предстоит обсудить не совсем обычную тему, которая не одно десятилетие будоражила пытливые умы и еще недавно казалась сюжетом для научной фантастики. Однако в наши дни использование космического пространства в военных целях обсуждается со всей серьезностью. Поскольку вероятность военных действий в космосе больше не является плодом чьего-то воображения, нам следует рассмотреть вопрос о возможном применении к ним МГП.

По этой причине тема нашего круглого стола – «Применение МГП в космическом пространстве: существующие подходы и вызовы». В качестве небольшого предисловия я хотел бы сказать пару слов о том, почему мы ее выбрали.

С учетом современных темпов технического развития возможность размещения оружия в космосе вызывает большие опасения, однако эксперты сходятся во мнении,

что, как это ни прискорбно, в обозримом будущем космическое пространство неизбежно – или, по крайней мере, весьма вероятно – будет использоваться в военных целях.

Ситуация усложняется еще и высокой доступностью технологий, которые могут быть использованы в космическом пространстве в качестве оружия.

Вывод на орбиту оружия массового уничтожения запрещен международным правом, однако этот запрет не распространяется на другие виды оружия, хотя практически все государства поддерживают недопущение гонки вооружений в космосе.

Несомненно одно: любое враждебное использование космического пространства в вооруженном конфликте, всякое использование средств ведения военных действий в космосе, направленных из космоса, в космос или через космос, а также методов ведения таких действий, должно осуществляться с соблюдением МГП. Другими словами, боевые действия в космосе не будут вестись в правовом вакууме.

В то же время не следует забывать о многочисленных сложностях и препятствиях, связанных с применением МГП в отношении космического пространства, поскольку большинство спутников и других космических систем, используемых в военных целях, выполняют и гражданские функции. Растет зависимость объектов наземной инфраструктуры от находящихся в космическом пространстве спутников и навигационных систем. Следовательно, совершаемые в космическом пространстве нападения могут иметь существенные гуманитарные последствия для миллионов людей на Земле, в немалой степени за счет нарушения нормальной работы важнейших инфраструктурных систем. Рассматривая вопрос об ограничениях на использование космического пространства в военных целях, государства должны

тщательно взвесить широкомасштабные последствия боевых действий в космосе для гражданского населения.

Уникальный характер космической среды и серьезность угроз, исходящих от военных действий в космическом пространстве, требуют разработки правовой системы, способной адекватно отвечать на вызовы и ограничить возможный ущерб для гражданского населения», — подчеркнул Магне Барт.

Затем слово взял модератор мероприятия вице-президент Российской ассоциации международного права, профессор Бахтияр Тузмухамедов, который отметил большой интерес научного сообщества к тематике круглого стола.

С экспертными докладами выступили начальник международно-правовой службы Международной организации космической связи «Интерспутник» Элина Морозова, ответственный редактор «Руководства по международному праву, применимому к военному использованию космического пространства» (Университет Аделаиды) Данкэн Блейк, советник по правовым вопросам штаб-квартиры МККК Лоран Жизель, второй секретарь Правового департамента Министерства иностранных дел России Ольга Метелина, первый секретарь Департамента по вопросам нераспространения и контроля над вооружениями МИД России Андрей Гребенщиков.

В дискуссии приняли участие вице-президент Российской ассоциации международного права, профессор Бахтияр Тузмухамедов, заведующий кафедрой международного права юридического факультета Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ профессор Татьяна Матвеева.

Валерия Козлова.
Фото автора и пресс-службы региональной делегации МККК
в Российской Федерации, Беларуси и Молдове.

ПАТРИК ВИАЛЬ: МККК – НЕЙТРАЛЬНЫЙ ПОСРЕДНИК В РЕШЕНИИ ГУМАНИТАРНЫХ ПРОБЛЕМ

В дискуссионно-информационном центре «Гуманитарийум» Региональной делегации МККК в России, Беларуси и Молдове выступил директор регионального управления оперативной деятельностью МККК в Европе и Центральной Азии Патрик Виаль. Он рассказал представителям российских государственных органов и структур, международных организаций, экспертам, иностранным дипломатам и журналистам о гуманитарной деятельности и дипломатии МККК в этом регионе.

Гуманитарные операции

Гуманитарные операции МККК в регионе не имеют такого размаха как в некоторых других местах. Здесь всего два активных конфликта: в Украине и на Кавказе, вокруг Нагорного Карабаха. При этом конфликт в Украине входит в десятку самых масштабных с точки зрения материальных и человеческих ресурсов, которые требуются МККК для организации там гуманитарной помощи. Но и там, где конфликты давно завершились, например, на Балканах, Кавказе, Центральной Азии, их последствия порой еще ощущаются. В таких ситуациях одна из важнейших задач МККК – выяснение судьбы пропавших без вести и поддержка их семей. Например, во время Балканских войн пропали 30 тыс. человек, но благодаря усилиям МККК, государственных структур и НПО семьи смогли узнать об участии 20 тыс. из них.

Важнейшая роль МККК – это роль нейтрального посредника, помогающего сторонам решать гуманитарные проблемы, например, через механизмы при участии Грузии и Южной Осетии или Армении, Азербайджана и Нагорного Карабаха для поиска и идентификации останков погибших во время конфликтов. Наша организация может выступить посредником в переговорах о прекращении огня или при обмене военнопленными и задержанными, как в Украине.

В 10 странах региона МККК работает в интересах задержанных в результате конфликтов и беспорядков и, имея большой опыт в этой сфере, предлагает свои услуги всем сторонам. Имеется в виду не только мониторинг того, как обращаются с задержанными, но и условий их содержания, и решение возможных проблем. Например, в Кыргызстане мы помогаем властям справляться с распространением туберкулеза в тюрьмах.

Гуманитарная дипломатия

Еще одна сторона нашей работы – многосторонняя гуманитарная дипломатия. Мы ведем диалог с постоянными членами Совбеза ООН, важными региональными организациями – СНГ, ОДКБ. Мы работаем с ОБСЕ в Вене, с Шанхайской организацией сотрудничества, с НАТО. Для чего? МККК старается привлекать внимание влиятельных государств и организаций к гуманитарным проблемам, чтобы они учитывались при принятии важных политических решений. Проблемы могут быть общего и частного характера. Миграция – один из таких общих вопросов, поскольку миграционные потоки в мире растут. Государства хотят найти способы их регулирования, и в ООН ведется работа над Глобальным договором по миграции, в которой МККК принимает участие. МККК поднимает и более частные вопросы, связанные с конфликтами в Сирии, Ливии, Афганистане. Во время встреч в Москве с представителями власти мы говорили о наших опасениях в связи с гуманитарной ситуацией в этих странах.

Вопросы, связанные с применением международного гуманитарного права в современных конфликтах, в связи с использованием новых технологий, кибератаками, – также предмет обсуждения на государственном уровне. Как в таких случаях проводить различие между гражданскими лицами и участниками боевых действий – это один из таких вопросов.

Некоторые страны региона участвуют в конфликтах или поддерживают стороны конфликтов в других государствах, будь то оружием, или разведанными. Мы напоминаем об их обязательствах соблюдать МГП, и обеспечивать его соблюдение сторонами.

МККК добивается политической поддержки для продвижения определенных решений на важных площадках – Совбеза, Генеральной Ассамблеи ООН. Мы заинтересованы и в финансовой поддержке, ведь наши главные доноры – это государства-участники Женевских конвенций. Россия является важным участником мировых процессов, поэтому в Москве действует представительство МККК, которое содействует укреплению связей с государственными структурами, юридическим сообществом, высшими учебными заведениями, региональными организациями.

Виктория Зотикова.
Фото Галины Балзамовой.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

На факультете журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова прошла ежегодная международная научно-практическая конференция «Журналистика в 2017 году: творчество, профессия, индустрия». В ее работе приняли участие члены редколлегии журнала «Актуальные проблемы МГП и СМИ».

Ежегодное мероприятие было посвящено современным проблемам теории и практики журналистики. В ходе работы секции «Этические и правовые коллизии в современной журналистике» с сообщением о проблемах преподавания дисциплины «Международное гуманитарное право и СМИ» на факультетах журналистики российских вузов выступил заведующий кафедрой коммуникационного менеджмента, рекламы и связей с общественностью Института журналистики, коммуникации и медиаобразования Московского педагогического государственного университета доктор исторических наук, профессор А.В. Козлов.

– Для представителей прессы знания МГП важны как в плане их собственной защиты, так и правдивости, точности публикаций. Именно эти знания позволяют им квалифицированно оценить действия сторон конфликта, привлечь внимание к нарушениям норм МГП. А они имеют место во многих горячих точках планеты, – поделился с собравшимися своими мыслями А.В. Козлов. – В этих условиях дисциплину «Международное гуманитарное право и СМИ» исключают из учебных планов некоторых факультетов журналистики. Это значит, что знания о столь важном для журналистской профессии блоке правовой подготовки не доносятся до многих будущих журналистов.

Соб. инф.
Фото Валерии Козловой.

СЕМЬ ВОПРОСОВ ГУМАНИТАРНОЙ ПОВЕСТКИ СОВРЕМЕННОСТИ

Петер Маурер, президент Международного Комитета Красного Креста (МККК):

Прогресс в технологической и финансовой сфере меняет условия, в которых работает Международный Комитет Красного Креста (МККК), и мы считаем, что семь перечисленных ниже вопросов будут формировать гуманитарную повестку в 2018 г.

1. Результаты усилий международного сообщества по урегулированию конфликтов

Усилия международного сообщества и успехи в урегулировании конфликтов будут играть важнейшую роль в формировании политической повестки и осуществлении гуманитарной деятельности в 2018 г. Успешные действия станут образцом для последующих шагов, неудачи потребуют поиска альтернативных решений.

Будут ли достигнуты цели, ради которых создавались зоны безопасности в Сирии? Возобновятся ли поставки медикаментов в Йемен? Смогут ли люди вернуться в штат Ракхайн? Будем ли мы настолько игнорировать затяжные конфликты низкой степени интенсивности, что они достигнут кульминации и приведут к массовому перемещению населения и эпидемиям?

Международное сообщество должно предложить новые решения для достижения мира, и это касается как широко освещаемых, так и забытых конфликтов. МККК старается обеспечить работу служб, которые необходимы для выживания населения. Однако в 2018 г. и в последующий период нам будут необходимы более решительные усилия для мирного урегулирования конфликтов.

2. Восстановление городских районов, ставших местами боевых действий

Пятьдесят миллионов человек по всему миру терпят тяготы, вызванные ведением военных действий в городских условиях. Работы по восстановлению населенных пунктов - сложная задача, но эти работы должны быть начаты как можно скорее, даже если вооруженные столкновения еще происходят. Восстанавливать надо не только улицы и дома, но и системы водоснабжения, канализации и электросети.

Экономическая деятельность может помочь вернуть измученное войной общество к нормальной жизни. Но если к ней не подходить ответственно, это может породить или продолжить насилие. Компании и международные организации должны помочь укрепить сообщества и преодолеть травмы, к которым привело насилие.

3. Изменение подхода к финансированию гуманитарной деятельности

Работая в условиях затяжных конфликтов, мы применяем двойную шкалу времени в нашей работе – принимаем срочные меры гуманитарного характера и прогнозируем долгосрочные потребности на период до 2030 г. К сожалению, современная модель финансирования гуманитарной деятельности не поддерживает этот жизненно важный подход.

Конфликты – это не временное нарушение жизнедеятельности. Они представляют собой структурные социально-экономические катастрофы, и выделение средств должно осуществляться соответственно. Помимо стран-участниц Женевских конвенций новая волна социальных инвесторов может оказать стимулирующее воздействие на государства с неустойчивой или пострадавшей от конфликтов экономикой.

В прошлом году МККК запустил первую в мире программу привлечения инвестиций для осуществления гуманитарной деятельности (Humanitarian Impact Bond), в рамках которой удалось собрать 26 млн долларов для новых центров физической реабилитации в Нигерии, Мали и Демократической Республике Конго. В 2018 г. МККК готов расширять такое партнерство.

4. Международное гуманитарное право

Каждый день новостные сводки сообщают о нарушениях международного гуманитарного права (МГП). Однако тому обстоятельству, что за последние десятилетия благодаря МГП поведение человека на войне изменилось, уделяется недостаточно

внимания. МГП способствует тому, что стороны в конфликте воздерживаются от дурного обращения с лицами, содержащимися под стражей, от применения химического, биологического и ядерного оружия, наземных мин и от нападения на гражданских лиц.

МГП постоянно развивается, как развиваются и конфликты. Но оно по-прежнему основывается на своем ключевом принципе — защите гуманности посредством права. В условиях конфликтов с участием раздробленных группировок и при противодействии терроризму международное сообщество должно защищать МГП от заявлений о том, что оно не применимо или может быть проигнорировано в угоду политическим сделкам. В 2018 г. мы должны укрепить консенсус в отношении права как стабилизирующей силы.

5. Забытые люди

Шестьдесят пять миллионов человек по всему миру были вынуждены покинуть свои дома, 40 миллионов из них находятся на территории своих стран. Это люди, которые часто оставлены без внимания и помощи. В 2018 г. международное сообщество проводит дискуссии о новом всемирном договоре о миграции и беженцах, мы призываем государства обеспечить соответствие своей политики в области миграции и предоставления убежища взятым на себя международным обязательствам и принять меры по удовлетворению гуманитарных потребностей людей, спасающихся от насилия на территории своих стран.

6. Кибератаки и новые виды оружия

Развитие технологий приводит к быстрому появлению ранее неизвестных методов ведения военных действий. Инновации, которые вчера были научной фантастикой, завтра могут привести к катастрофе. К ним, в числе прочего, относятся нанотехнологии, боевые роботы и лазерное оружие.

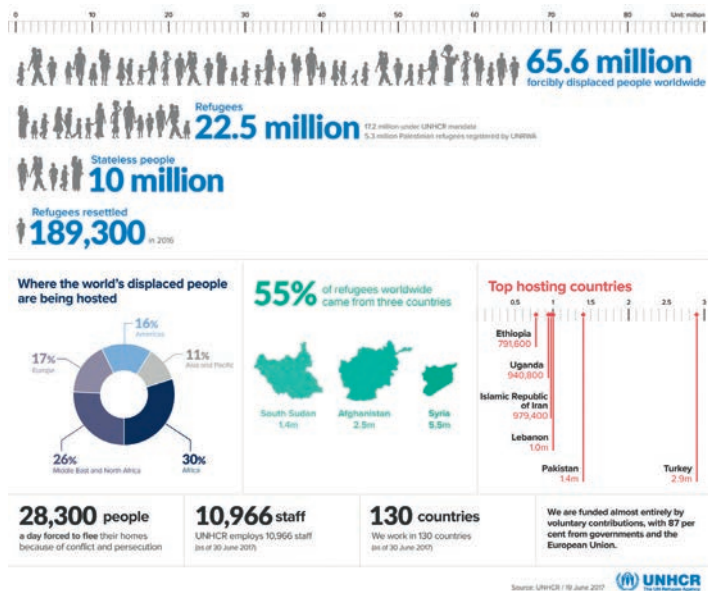
Кибератаки представляют собой устрашающий вызов. Подумайте о гуманитарных последствиях взлома систем управления воздушным движением, систем, контролирующих работу нефтепроводов или атомных электростанций.

МККК призывает государства и компании решать проблемы, связанные с гуманитарными последствиями конфликтов в виртуальном пространстве, и задать себе важный вопрос: что такое инцидент в области безопасности и что такое акт войны? Как применяется принцип соразмерности? Как во время виртуальных нападений можно провести различие между гражданскими объектами и военными целями?

Основополагающие нормы МГП применяются в отношении кибервойн и случаев использования прочих новых технологий, но мы должны подумать о разработке более строгих, целевых норм, которые бы обеспечили защиту гражданского населения на рубежах будущих конфликтов.

7. Использование технологий во благо

Четвертая промышленная революция связана не только с рисками. Она также несет

с собой решения гуманитарных проблем. Примером может служить партнерство МККК с "Майкрософт" в области использования технологий распознавания лиц, которые могут помочь в воссоединении родственников, разлученных в результате конфликтов, а также строительство компанией АВВ сети для использования солнечной энергии для нашего склада в Найроби.

Большие данные и более качественный контекстуальный анализ обладают потенциалом для изменения того, как МККК реагирует на гуманитарные кризисы и прогнозирует их. Защищенные цифровые личные данные могут позволить беженцам, потерявшим свои документы, быстрее получить доступ к различным услугам. Мы хотим, чтобы в 2018 г. технические достижения играли более существенную роль в расширении потенциала тех, кто пострадал от вооруженных конфликтов.

Это ключевые вопросы, над которыми я буду работать в этом году. Однако успех моей работы зависит от проявления государствами и прочими заинтересованными сторонами более решительной приверженности минимальным стандартам гуманности, от более широкого согласия в отношении осуществления нейтральной, беспристрастной, независимой гуманитарной деятельности.

История МККК, насчитывающая 155 лет, показывает, что принципиальная, основанная на нормах права гуманитарная деятельность, которая осуществляется согласованными усилиями всех заинтересованных сторон, является лучшим началом процесса преодоления раздробленности и построения лучшего будущего для всех нас.

Материал предоставлен пресс-службой Региональной делегации Международного Комитета Красного Креста в России, Беларуси и Молдове.

Барсегов Георгий Юрьевич, начальник отдела Департамента по вопросам нераспространения и контроля над вооружениями (ДНКВ) МИД России;

Громько Юлия Руслановна, первый секретарь Департамента по вопросам нераспространения и контроля над вооружениями МИД России.

ПРОБЛЕМА РАЗЛИЧИЙ В ТОЛКОВАНИИ ПРАВА НА САМООБОРОНУ В КОСМОСЕ В КОНТЕКСТЕ АНАЛИЗА ПРИМЕНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА

Формирование всестороннего представления о принципах и нормах международного права, относящихся к безопасности в космическом пространстве и применимых к военному использованию космоса, безусловно, имеет важное значение¹. В этом смысле организованный по линии Международного Комитета Красного Креста круглый стол по теме «Применение международного гуманитарного права в космическом пространстве: существующие подходы и вызовы» можно только приветствовать.

Примечательна и сама инициатива двух известных университетов – Макгилла и Аделаиды – подготовить обобщенный материал о международном праве, применимом к военному использованию космического пространства. Впрочем, в данном случае возникает вопрос, что именно понимается под термином «Manual» – руководство для государств или же общедоступное пособие. Учебным и аналитическим центрам, какими бы престижными они ни были, все же не следует стремиться занять нишу реальной политики, конкурируя с Конференцией по разоружению и Комитетом ООН по использованию космического пространства в мирных целях.

По инициативе Российской Федерации Комитет ООН по космосу в 2014 г. принял решение о целесообразности проведения обзора применения норм международного права, относящихся к сохранению космического пространства для мирных целей. Мотивом в данном случае было стремление организовать реальную работу над приоритетным пунктом повестки дня Комитета, касающимся определения путей и средств сохранения космоса для мирных целей. Тем не менее, это решение, к сожалению, остается нереализованным.

В 2015 г. Россия внесла весомые предложения о проведении в том же Комитете анализа правовых оснований и модальностей задействования в гипотетическом случае права на самооборону в соответствии с Уставом ООН применительно к космическому пространству. Наша позиция по этому вопросу обстоятельно изложена в рабочем документе Российской Федерации (A/АС.105/L.294; см. на unoosa.org). Он содержит серьезную аналитику. Общее понимание по самообороне в космосе, которое, как мы уверены, мог бы разработать Комитет, подлежало бы одобрению как Генеральной Ассамблеей, так и Советом Безопасности ООН. Вот с таким подходом у ряда государств, очевидно, возникли проблемы.

Тема самообороны в космосе требует пристального внимания, в т.ч. с точки зрения обсуждаемой темы применимости гуманитарного права. По состоянию на сегодняшний день одна из серьезных проблем заключается в том, как толкуют право на самооборону в космосе Соединенные Штаты. Они понимают это право настоль-

¹ Экспертный доклад начальника отдела Департамента по вопросам нераспространения и контроля над вооружениями (ДНКВ) МИД России Г.Ю. Барсегова и первого секретаря ДНКВ МИД России Ю.Р. Громько по теме «Проблема различий в толковании права на самооборону в космосе в контексте анализа применения международного гуманитарного права» в рамках круглого стола «Применение международного гуманитарного права в космическом пространстве: существующие подходы и вызовы», состоявшегося в Москве 16 марта 2018 г.

ко широко, что политико-военные установки, которые содержатся в американских документах по операционной деятельности в космосе, могут (при определенном стечении обстоятельств) сыграть роль катализатора конфликта.

Соединенные Штаты признают наличие тактических и стратегических ограничений на применение силы, в том числе в космосе, которые обусловлены, среди прочего, гуманитарным правом. Это предусмотрено в их документах. Тем не менее, учитывая то, насколько они радикализировали самооборону в космосе, есть основания усомниться в их способности быть избирательными в действиях.

Дело в том, что для США статья 51 Устава ООН с характерными для нее критериями является лишь одним из многих оснований для самообороны. На самом деле, все регулирование там выстроено на понимании, что самооборона вообще, равно как и самооборона в космосе — норма обычного права. Поэтому и критерии задействования этого права, по сути дела, неограниченны. Очевидно, что при таком подходе фактически перестает действовать презумпция необходимости не отвечать силой на применение силы, кроме как на условиях статьи 51 Устава ООН. Что касается безмерно расширенной концепции самообороны, то она по существу предусматривает широкий спектр силовых решений.

Получается, что в порядке самообороны можно и нужно реагировать в любых ситуациях: в целях защиты нации, ее сил, национальных коммерческих материальных ценностей, а также защиты физических лиц и их собственности, да и вообще, в случае «посягательства на права США».

Более того, самооборона может быть превентивной и даже «предвосхищающей», а основанием для нее служит не только «враждебный акт» / «враждебное действие» (т.е. «нападение или применение силы»), но и «враждебное намерение». При этом «враждебное намерение» включает «угрозу силой с целью воспрепятствовать выполнению или осложнить выполнение силами США их задач и обязанностей».

Бесспорно, существенную роль в формировании такой концепции сыграли логика и традиции прецедентного права, приоритет национального регулирования над международным, а также, конечно, доктринально-политические установки, относящиеся к космосу. Здесь нельзя не упомянуть и весьма экстравагантную доктрину т.н. доминирования США в космосе, и резервирование Соединенными Штатами за собой права лишать другие страны доступа в космос, причем вне оговоренного контекста, который мог бы быть связан, например, с состоянием войны.

Стоит обратиться к документу, разработанному Комиссией международного права и в 2001 г. принятому к сведению Генеральной Ассамблеей ООН (A/RES/56/83). Он именуется «Статьи об ответственности государств за международно-противоправные деяния». Статьи предусматривают, что противоправность конкретного деяния государств исключается, если деяние является либо законной мерой самообороны, принятой в соответствии с Уставом ООН, либо контрмерой против государства, ответственного за международно-противоправное деяние, при том понимании, что контрмера не затрагивает закрепленного Уставом ООН обязательства воздерживаться от угрозы силой или ее применения.

Внутреннее российское регулирование (принятые в 2013 г. Основы государственной политики Российской Федерации в области космической деятельности на период до 2030 г. и дальнейшую перспективу) предусматривает, что Россия обеспечивает свои интересы в космосе всеми доступными в соответствии с международным правом средствами, включая право на самооборону в соответствии с Уставом ООН.

В принципиальном плане Россия предложила рассмотреть в Комитете тему самообороны, взяв за основу две гипотетические ситуации: когда самооборона в космосе является продолжением (составной частью) самообороны на Земле и когда к самообороне прибегают исключительно в космосе. Такой подход наводит на мысль, что, как минимум, во втором случае, учитывая статью 51 Устава ООН, было бы лучше

(с правовой точки зрения, да и с позиций разума) договариваться о неприменении силы, а не выстраивать сценарий самообороны, которая была бы реализована лишь в космосе. По объективным причинам такой сценарий вряд ли будет осуществим. Конфликт неизбежно распространится на Землю. Собственно, договориться не применять силу предлагают Россия и Китай в порядке реализации их совместной инициативы о заключении Договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов.

Определить, как соотносятся между собой гуманитарное право и регулятивные аспекты космической деятельности, а также выработать четкое и недвусмысленное понимание на этот счет — задача непростая.

Государства, располагающие серьезными космическими потенциалами, обеспечивают посредством космических систем военного назначения функцию контроля космоса и операции на театре военных действий. Можно предположить, что принципы и нормы гуманитарного права должны побуждать государства устанавливать ограничения на применение силы. Проблема усложняется тем обстоятельством, что в рамках тех или иных видов деятельности в космосе порой невозможно вывести в совершенно отдельную категорию военную космическую деятельность (или деятельность в космосе вооруженных сил). Между тем, те же Женевские конвенции предусматривают, что право войны/законы и обычаи войны применимы к разногласиям, возникающим между государствами и имеющим своим результатом вмешательство вооруженных сил.

Одновременно имеют место и т.н. гражданские дополнения военных функций. Отдельная тема — как в случае конфликта относиться к т.н. актерам-посредникам (проху actors). Наконец, в рамках союзнических отношений или в случае коллективной самообороны могут предусматриваться решения в отношении предоставления защиты космическим потенциалам и операциям дружественных стран.

Например, в США категория «враждебных сил» по решению уполномоченного органа (лица) включает в себя, помимо вооруженных сил, любые гражданские или полувойсковые силы.

Проблема обеспечения избирательности действий в космосе в ходе гипотетического конфликта, а также обеспечения ситуации, при которой гражданская инфраструктура в космосе гарантированно не подвергалась бы нападению, существенно осложняется, если экстраполировать принципы и нормы гуманитарного права на ту расширенную концепцию самообороны, которую продвигают США.

Возникает вопрос: если самооборона будет задействоваться фактически по любому случаю, когда есть неудовольствие по поводу тех ли иных событий в космосе, как тогда другой стороне в конфликте «таргетировать» свои ответные решения или, скорее, выбрать цель?

Реализация внесенного Российской Федерацией в Комитете предложения проанализировать самооборону в космосе соответствовала бы интересам всех государств, включая США. Рассчитываем, что диалог все же состоится.

В Военной доктрине России четко зафиксирована наша приверженность разработке под эгидой ООН режима безопасности космических операций в качестве важного средства предотвращения возникновения конфликта в космосе. Мы занимаем активную позицию в рамках ведущихся в Комитете ООН по космосу переговоров по разработке соответствующего нормативного регулирования в формате руководящих принципов обеспечения долгосрочной устойчивости космической деятельности.

Россия намерена способствовать тому, чтобы тенденция к международному регулированию вопросов безопасности в космосе усиливалась, охватывая все больше аспектов и получила широкую поддержку.

**Георгий Барсегов, Юлия Громько.
Фото Валерии Козловой.**

Морозова Элина Леонидовна, начальник международно-правовой службы Международной организации космической связи «ИНТЕРСПУТНИК»

E-mail: morozova@intersputnik.com

Васянин Ярослав Евгеньевич, юрист международно-правовой службы Международной организации космической связи «ИНТЕРСПУТНИК»

E-mail: vasyanin@intersputnik.com

О НОРМАХ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА, ПРИМЕНИМЫХ К ВОЕННОМУ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ КОСМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

I. Введение

4 октября 1957 г. запуск первого в мире искусственного спутника Земли ознаменовал начало космической эры. Прошедшие шесть десятилетий стремительного развития космонавтики привели к внушительным достижениям в покорении космоса, ставшим неотъемлемой частью повседневной жизни. Связь, телевидение, навигация, метеорология, экологический мониторинг, эффективное природопользование, научные исследования, прогнозирование чрезвычайных ситуаций, а также решение целого ряда других насущных для человечества задач поддерживаются космической инфраструктурой. Соответственно, ее стабильная работа имеет принципиальное значение как для обеспечения государственных интересов, так и для качества жизни, здоровья и благополучия граждан.

Несмотря на многочисленные заявления о намерении использовать космическое пространство в мирных целях и сохранить его в качестве бесконфликтной среды для будущих поколений, а также предпринимаемые рядом государств усилия по всеобщей и полной демилитаризации космоса¹, все чаще слышны слова о готовности, в случае необходимости, защитить космическую инфраструктуру. Ведущие космические державы проводят политику наращивания технического потенциала, делая упор на сдерживании, предотвращении или даже упреждении возможной угрозы. Превращение космического пространства в арену боевых действий, без сомнений, противоречит интересам человечества, однако в современных реалиях исключить риск возникновения кризисных ситуаций в космосе не представляется возможным².

В этой связи внимание правоведов привлекают вопросы использования космического пространства в военных целях³ не только в мирное время, но также в периоды обострения международной напряженности и во время вооруженных конфликтов.

¹ См., например, российско-китайский проект Договора о предотвращении размещения оружия в космосе (ДПРОК), представленный на Конференции ООН по разоружению в 2008 г. и обновленный в 2014 г.; российскую инициативу о принятии государствами политического обязательства о неразмещении первыми оружия в космосе (НПОК), в рамках которой такие заявления сделали 18 государств, включая Россию.

² См., например, «Грядет война в космосе?» // Издание Defence24 (Польша). 7 февраля 2018 г. URL: <http://www.space24.pl/nadchodzi-wojna-w-kosmosie-chiny-i-rosja-zagrozeniem-dla-amerykanskich-satelitow>; «Завтра нас ждет война в космосе» // Издание Le Figaro (Франция). 12 января 2018 г. URL: <http://www.lefigaro.fr/international/2018/01/11/01003-20180111ARTFIG00328-demain-la-guerre-dans-l-espace.php>; «Как Россия и Китай будут воевать против Америки» // Издание The National Interest (США). 15 мая 2017 г. URL: <http://nationalinterest.org/blog/the-buzz/how-russia-china-would-wage-war-against-america-kill-the-20658>.

³ В настоящей статье понятия «использование космического пространства в военных целях», «военное использование космического пространства» и «военная космическая деятельность» используются как равнозначные и взаимозаменяемые. При этом их не стоит противопоставлять понятиям «использование космического пространства в мирных целях» и «мирное использование космоса», поскольку военная космическая деятельность может осуществлять-

II. Военное использование космического пространства: понятие, пределы, регулирование

Вопросы военного использования космического пространства обсуждались международным сообществом с первых дней космической эры. В 1963 г. Генеральная Ассамблея ООН единогласно одобрила резолюцию, в которой призвала государства «воздержаться от вывода на орбиту вокруг Земли каких бы то ни было объектов с ядерным оружием или любыми другими видами оружия массового уничтожения, установки такого оружия на небесных телах или размещения такого оружия в космическом пространстве каким-либо другим образом»¹. Принятый в 1967 г. в рамках ООН Договор по космосу² закрепил эти ограничения путем установления правового режима полной демилитаризации применительно к Луне и другим небесным телам³ и режима частичной демилитаризации открытого околоземного и дальнего космоса⁴.

Анализ действующих ограничений позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, испытание и размещение в открытом космосе обычных видов вооружения и нетрадиционного оружия (электромагнитного, лазерного, плазменного и др.)⁵, а также проведение военных маневров, создание военных баз, сооружений и укреплений за пределами небесных тел не запрещены. Во-вторых, понятие военного использования космического пространства охватывает не только перечисленные выше незапрещенные виды космической деятельности, но и другие — прямо разрешенные. Так, например, искусственные спутники Земли широко используются в военной деятельности как в мирное время, так и в боевых условиях — служат основой для систем противоракетной обороны, участвуют в решении разведывательных задач, обеспечивают связь и навигацию для вооруженных сил, в том числе оказывая поддержку в ходе военных операций на суше, на море и в воздухе.

Однако военная космическая деятельность не стала предметом отдельного международного правового регулирования. До настоящего времени не установлены общепризнанные пределы допустимого военного использования космического пространства, что делает возможным существование различных подходов к их пониманию и, соответственно, допускает разную правовую оценку неординарных событий в космосе. Вместе с тем, такие события, происходящие в чуждой человеку

ся в рамках мирного использования космоса без совершения действий, противоречащих действующим нормам международного права.

¹ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 1884 (XVIII). Вопрос о всеобщем и полном разоружении. 17 октября 1963 г. A/RES/1884 (XVIII).

² Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, от 27 января 1967 г. (далее — Договор по космосу). Текст доступен на сайте Управления ООН по вопросам космического пространства. URL: <http://www.unoosa.org/oosa/en/ourwork/spacelaw/treaties/introouterspacetreaty.html>.

³ Договор по космосу. Статья IV, второй абзац: «Луна и другие небесные тела используются всеми государствами — участниками Договора исключительно в мирных целях. Запрещается создание на небесных телах военных баз, сооружений и укреплений, испытание любых типов оружия и проведение военных маневров».

⁴ Договор по космосу. Статья IV, первый абзац: «Государства — участники Договора обязуются не выводить на орбиту вокруг Земли любые объекты с ядерным оружием или любыми другими видами оружия массового уничтожения, не устанавливать такое оружие на небесных телах и не размещать такое оружие в космическом пространстве каким-либо иным образом».

⁵ Например, в 2007 г. Китай провел испытания противоспутникового оружия, в ходе которых с помощью баллистической ракеты наземного базирования был уничтожен вышедший из строя китайский метеорологический спутник Feng Yun 1C, находившийся на высоте 865 километров от поверхности Земли. См., например, «Китай подвергся критике за испытание противоспутниковой ракеты» (China Criticized for Anti-Satellite Missile Test) // Издание The Washington Post. 19 января 2007 г. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2007/01/18/AR2007011801029.html>.

среде, могут быть вызваны случайным стечением обстоятельств, нештатной работой техники, недостатком информации и др. и, тем не менее, способны привести к возникновению кризисной ситуации.

Такому риску подвержены не только государства, но и коммерческая космическая деятельность — международное космическое право не делит космические объекты на гражданские и военные¹, и многие из них задействованы в предоставлении услуг всему спектру пользователей². Также стоит учитывать современную практику создания и эксплуатации космической инфраструктуры совместно с частными компаниями и военными ведомствами, в том числе путем размещения попутных полезных нагрузок военного назначения на коммерческих спутниках связи и вещания³.

Полноценной основой международного правового режима военной космической деятельности, находящейся в рамках мирного использования космоса, стал бы новый многосторонний международный договор ООН или дополнительное соглашение к действующему — например, к Договору по космосу, — раскрывающее принцип мирного использования в рассматриваемом контексте. В качестве альтернативного варианта можно назвать принятие норм так называемого «мягкого» права — рекомендаций, не имеющих юридически обязательного характера, однако учитываемых в практике государств. Следует признать, что заметное нежелание государств обсуждать вопросы, связанные с военной космической деятельностью, и ход работы многосторонних переговорных площадок в рамках системы ООН⁴ показывают, что установление нового международного правового режима любым из описанных выше способов маловероятно.

¹ Например, Конвенция о регистрации устанавливает, что регистрации подлежат все запускаемые космические объекты независимо от выполняемых целей — гражданских или военных. Конвенция о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство, от 14 января 1975 г. Статья II: «Когда космический объект запускается на орбиту вокруг Земли или дальше в космическое пространство, запускающее государство регистрирует этот космический объект путем записи в соответствующий регистр, который им ведется...». Текст доступен на сайте Управления ООН по вопросам космического пространства. URL: <http://www.unoosa.org/oosa/en/ourwork/spacelaw/treaties/introregistration-convention.html>.

² Например, такие спутниковые системы навигации как Система глобального позиционирования (Global Positioning System — GPS) и Глобальная навигационная спутниковая система (ГЛОНАСС), которые изначально разрабатывались в интересах вооруженных сил и принадлежат соответственно Министерству обороны США и Министерству обороны России, широко используются в гражданских целях.

³ Например, на спутнике связи Intelsat 14, принадлежащем частному спутниковому оператору Intelsat S.A., установлена попутная полезная нагрузка IRIS (Internet Routing in Space Payload), эксплуатируемая Министерством обороны США и Стратегическим командованием вооруженных сил США. См. официальный сайт компании Intelsat S.A. URL: <http://www.intelsat.com/news/press-release/intelsat-14-launch-successful-offers-fresh-capacity-which-will-serve-three-regions/>; на космическом аппарате SES-2 частного спутникового оператора SES S.A. установлена попутная полезная нагрузка CHIRP (Commercially Hosted Infrared Payload), используемая в интересах Военно-воздушных сил США. См. официальный сайт компании SES S.A. URL: <http://ses-gs.com/solutions/fixe-d-sat-solutions/hosted-payloads/>.

⁴ К таким можно отнести: Комитет ООН по использованию космического пространства в мирных целях, созданный в 1959 г. на основании резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 1472 (XIV) и являющийся единственной глобальной специализированной площадкой, компетентной рассматривать вопросы международного правового регулирования исследования и использования космического пространства в мирных целях; Конференцию ООН по разоружению, созданную в 1979 г. по итогам первой специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению 1978 г. как единственный многосторонний переговорный форум международного сообщества для выработки соглашений по разоружению; Первый (вопросы разоружения и международной безопасности) и Четвертый (специальные политические вопросы и вопросы деколонизации) комитеты Генеральной Ассамблеи ООН; Институт ООН по исследованию проблем разоружения и нек. др.

В отсутствие специального регулирования военной космической деятельности и перспектив его скорого формирования целесообразно определить действующие нормы международного публичного права, применимые к рассматриваемой тематике.

III. Применение норм международного права к военной космической деятельности

Как и всякая космическая деятельность, военное использование космического пространства должно осуществляться в соответствии с международным правом, включая Устав ООН¹. Регулирование отношений в процессе осуществления космической деятельности является предметом международного космического права. Вместе с тем, в случае возникновения конфликта в космосе, который может иметь последствия на Земле, а также в случае переноса в космос конфликта, начавшегося на Земле, военная космическая деятельность может стать объектом регулирования международного права вооруженных конфликтов (*jus ad bellum*) и международного гуманитарного права (*jus in bello*), которые устанавливают нормы и принципы ведения военных действий, но не учитывают особенности правового статуса космического пространства. Применимость норм нескольких отраслей международного публичного права, регулирующих вопросы военной космической деятельности, может привести к конкуренции между ними.

Например, согласно общему международному праву международно-противоправное деяние государства может повлечь международную ответственность в случае присвоения соответствующего поведения государству². Поведение лица может быть присвоено государству, к примеру, если оно действует по указаниям либо под руководством или контролем этого государства³. Вместе с тем, статья VI Договора по космосу устанавливает международную ответ-

¹ Договор по космосу. Статья III: «Государства – участники Договора осуществляют деятельность по исследованию и использованию космического пространства, в том числе Луны и других небесных тел, в соответствии с международным правом, включая Устав Организации Объединенных Наций, в интересах поддержания международного мира и безопасности и развития международного сотрудничества и взаимопонимания».

² См., например, Проект статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 г. Статья 2. Текст доступен на сайте Организации Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/responsibility.pdf.

³ См., например, Проект статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 г. Статья 8.

ственность государства за национальную деятельность в космическом пространстве, осуществляемую как правительственными органами, так и неправительственными юридическими лицами, независимо от ее присвоения государству¹. С учетом наличия двух указанных выше норм возникает вопрос, какая из них подлежит применению при установлении ответственности государства за деяние национального юридического лица, связанное с военным использованием космического пространства. Данный вопрос может быть решен путем применения принципа права *lex specialis derogat generali*, который означает наличие приоритета специальной нормы над общей. Поскольку в данном вопросе речь идет о космической деятельности, специальная норма международного космического права, как *lex specialis*, «вытеснит» норму общего международного права, что означает безусловную международную ответственность государств за национальную космическую деятельность.

Однако при обращении к нескольким применимым отраслям международного публичного права могут возникать более сложные вопросы. Например, если в случае бедствия экипаж космического корабля приземлится на территории государства-противника, будет ли такое государство нести обязанность по возврату космонавтов, входящих в состав вооруженных сил, властям неприятеля, осуществившим запуск, как это предусмотрено Соглашением о спасании², или же такие космонавты будут считаться военнопленными³? В рассматриваемом примере выбор *lex specialis* между двумя конкурирующими нормами международного космического и международного гуманитарного права не столь очевиден; нет единого мнения и среди экспертов-правоведов.

Другим вопросом, не нашедшим пока единого понимания, является толкование права на самооборону, предусмотренного Уставом ООН⁴, применительно к сфере космической деятельности. Деяние государства, квалифицируемое как вооруженное нападение на космический объект другого государства, без сомнений, может повлечь международную ответственность. Вопрос заключается в том, даст ли такое деяние государству, подвергшемуся нападению, основание для реализации права на самооборону непосредственно в космическом пространстве, если учесть принцип международного космического права об использовании космоса в мирных целях.

¹ Договор по космосу. Статья VI: «Государства – участники Договора несут международную ответственность за национальную деятельность в космическом пространстве, включая Луну и другие небесные тела, независимо от того, осуществляется ли она правительственными органами или неправительственными юридическими лицами...».

² Соглашение о спасании космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство, от 22 апреля 1968 г. Статья 4: «Если в результате аварии, бедствия, вынужденной или непреднамеренной посадки экипаж космического корабля приземлится на территории, находящейся под юрисдикцией Договаривающейся Стороны, ... он должен быть в безопасности и незамедлительно возвращен представителям властей, осуществивших запуск». Текст доступен на сайте Управления ООН по вопросам космического пространства. URL: <http://www.unoosa.org/oosa/en/ourwork/spacelaw/treaties/introrescueagreement.html>.

³ См., например, Женевская конвенция от 12 августа 1949 г. об обращении с военнопленными. Статья 4, пункт «А», подпункт 1: «Военнопленными, по смыслу настоящей Конвенции, являются попавшие во власть неприятеля лица, принадлежащие к одной из следующих категорий: ... Личный состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте...». Текст доступен на сайте Международного Комитета Красного Креста. URL: <https://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/geneva-convention-3.htm>.

⁴ Устав Организации Объединенных Наций. Статья 51: «Настоящий Устав ни в коей мере не затрагивает неотъемлемого права на индивидуальную или коллективную самооборону, если произойдет вооруженное нападение на Члена Организации, до тех пор пока Совет Безопасности не примет мер, необходимых для поддержания международного мира и безопасности...». Текст доступен на сайте Организации Объединенных Наций. URL: <http://www.un.org/ru/charter-United-nations/index.html>.

Еще одним нерешенным вопросом, требующим комплексного подхода, является определение стороны потенциального вооруженного конфликта, затрагивающего космические объекты. Применение в этом случае норм международного гуманитарного права о «флаге» государства, который несет соответствующий объект, может привести к неожиданным последствиям¹. Между регистрацией морских и воздушных судов, с одной стороны, и регистрацией космических объектов, с другой стороны, существует принципиальное отличие. Морские и воздушные суда могут быть переведены под флаг другого государства². Государство регистрации космического объекта, напротив, определяется единожды – непосредственно в момент регистрации – и более не меняется³. При этом после запуска и регистрации космический объект может перейти под режим наблюдения другого государства, фактически эксплуатирующего объект⁴. Применение нормы международного гуманитарного права об определении стороны вооруженного конфликта без учета особенностей международного космического права может повлечь признание стороной конфликта государства, на практике не имеющего отношения к космическому объекту, в то время как фактически затронутое государство может оказаться лишенным права на ответные меры.

Эти и другие вопросы военной космической деятельности, без сомнений, заслуживают детального изучения. При этом описание всего пласта действующих норм, применимых к военному использованию космического пространства, и определение *lex specialis* для каждого конкретного случая стали бы существенным вкладом в развитие международного публичного права и серьезным подспорьем в работе юристов-международников.

IV. Международный проект Университета МакГилла

С инициативой детальной проработки вопроса применения международного права к военной космической деятельности в мае 2016 г. выступил канадский Уни-

¹ См., например, Конвенция ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 г. Статья 91, пункт 1: «...Суда имеют национальность того государства, под флагом которого они имеют право плавать...». Текст доступен на сайте Организации Объединенных Наций. URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%201833/v1833.pdf>; Конвенция о международной гражданской авиации от 7 декабря 1944 г. (Чикагская конвенция). Статья 17: «Воздушные суда имеют национальность того государства, в регистр которого они занесены». Текст доступен на сайте Международной организации гражданской авиации (ИКАО). URL: https://www.icao.int/publications/Documents/7300_cons.pdf.

² См., например, Конвенция ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 г. Статья 92, пункт 1: «...Судно не может переменить свой флаг во время плавания или стоянки при заходе в порт, кроме случаев действительного перехода права собственности или изменения регистрации»; Конвенция о международной гражданской авиации от 7 декабря 1944 г. (Чикагская конвенция). Статья 18: «Не может считаться действительным занесение воздушного судна в регистр более чем одного государства, но государство регистрации может меняться». Статья 19: «Занесение в регистр или смена государства регистрации воздушных судов в любом договаривающемся государстве будут производиться в соответствии с его законами и правилами».

³ Большинство экспертов сходятся во мнении, что Конвенция о регистрации не допускает смены государства регистрации космического объекта. Однако известны единичные случаи изменения государства регистрации (см., например, статус космических объектов SIRIUS 1, ASIASAT 1, APSTAR 1, APSTAR 1A, ASIASAT 2), которые, по мнению экспертов, являются исключениями, обусловленными особыми обстоятельствами и не меняющими общее правило о невозможности передачи статуса государства регистрации, что подтверждает различие между режимами регистрации космических объектов и регистрации морских и воздушных судов.

⁴ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 62/101. Рекомендации по совершенствованию практики регистрации космических объектов государствами и международными межправительственными организациями. 17 декабря 2007 г. A/RES/62/101. Пункт 4 называет такие случаи «изменением в режиме наблюдения за космическим объектом, находящимся на орбите».

верситет МакГилла. Инициатива получила широкий отклик и поддержку в международном экспертном сообществе, и уже в октябре 2016 г. состоялось учредительное заседание, которое положило начало международному проекту по подготовке соответствующего пособия (Manual on International Law Applicable to Military Uses of Outer Space; далее также – пособие Университета МакГилла, проект MILAMOS)¹. Партнерами проекта выступают Институт воздушного и космического права Кёльнского университета и Институт космического права Пекинского института технологий².

Главной целью проекта MILAMOS³ является объективное изложение и разъяснение в одном документе – пособии – норм международного права, применимых

¹ Подробнее о проекте MILAMOS см. на портале проекта на сайте Университета МакГилла. URL: <https://www.mcgill.ca/milamos/>.

² До февраля 2018 г. партнерами проекта были Университет Аделаиды (Австралия) и Университет Эксетера (Великобритания). Информацию обо всех участвующих организациях можно найти на портале проекта MILAMOS. URL: <https://www.mcgill.ca/milamos/participating-institutions>.

³ Необходимо различать проект MILAMOS от похожего международного проекта Woomera (The Woomera Manual on the International Law of Military Space Operations), объектом которого являются военные операции в космосе. Военные операции и вооруженные конфликты рассматриваются также в следующих документах: Оксфордском пособии по ведению вооруженных конфликтов на суше 1880 г. (Oxford Manual of the Laws of War on Land, опубликован на сайте Международного Комитета Красного Креста. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/ihl/INTRO/140?OpenDocument>); Пособии по ведению вооруженных конфликтов на море 1913 г. (Manual of the Laws of Naval War, опубликован на сайте Международного Комитета Красного Креста. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/ihl/INTRO/265?OpenDocument>); Пособии по международному праву, применимому к вооруженным конфликтам в воздухе и с использованием ракетной техники, 2013 г., принятом в рамках Программы по разработке гуманитарной политики и изучению конфликтов Гарвардского университета (HPCR Manual on International Law Applicable to Air and Missile Warfare, опубликован на сайте Кембриджского университета. URL: http://assets.cambridge.org/97811070/34198/frontmatter/9781107034198_frontmatter.pdf); Таллинском пособии по международному праву, применимому к конфликтам в киберпространстве, 2017 г. (Tallinn Manual on the International Law Applicable to Cyber Operations, опубликован на сайте Центра по защите от угроз в киберпространстве Организации Североатлантического договора. URL: <https://ccdcoe.org/tallinn-manual-20-international-law-applicable-cyber-operations-be-launched.html>).

к военному использованию космического пространства в мирное время, в периоды обострения международной напряженности и во время вооруженных конфликтов. Планируется, что пособие будет состоять из 100 – 150 правил и выйдет в свет до 2020 г.

Для работы над пособием приглашены эксперты – специалисты в международном праве, военном деле и космических технологиях из разных стран, причем как гражданские, так и военные. Чтобы обеспечить независимость суждений, эксперты действуют в личном качестве, без оплаты за участие в проекте и без указания авторства отдельных положений пособия, которое, в конечном счете, станет общим результатом проекта MILAMOS. Вместе с тем, для придания пособию максимальной достоверности и транспарентности пособие отметит наличие у экспертов разных мнений по вопросам права, в случае невозможности прийти к консенсусу, а также укажет на возможные противоречия действующих норм права или их принципиальное отсутствие.

В рамках проекта MILAMOS работают две редакционные подгруппы, непосредственной задачей которых является подготовка правил. Консультационную поддержку их работе оказывает группа технических экспертов. В проекте также принимает участие группа советников и внешних консультантов, которая призвана донести до составителей правил правовые позиции государств и международных межправительственных и неправительственных организаций, а также иных заинтересованных лиц. Решением административных вопросов занимается секретариат, действующий на базе Университета МакГилла. За подготовку финального текста пособия Университета МакГилла отвечает редакционный комитет, к компетенции которого относится принятие решений по наиболее важным вопросам реализации проекта MILAMOS. Общий контроль осуществляет директор проекта.

Члены редакционных подгрупп отвечают за разработку определенного количества правил, каждое из которых представляет собой краткое положение, сопровождаемое развернутым комментарием с обоснованием, нюансами применения и примерами¹. Разработка правил ведется на основе действующего международного права (*lex lata*) без учета субъективных представлений, каким международному праву следовало бы стать (*lex de ferenda*), что позволит добиться максимальной объективности пособия Университета МакГилла. Другим важным принципом проекта MILAMOS является использование при подготовке правил только первичных источников международного права; вспомогательные источники права, правовые теории и философские идеи в расчет не берутся, что обеспечит высокий уровень доверия к пособию Университета МакГилла.

После разработки правило направляется на согласование другим экспертам проекта MILAMOS, которые передают замечания и предложения составителю. Правило, обновленное с учетом полученных мнений, рассматривается в ходе пленарного заседания, где либо утверждается и передается в редакционный комитет, либо возвращается на доработку. Пленарные заседания проходят в рамках регулярных очных встреч участников проекта MILAMOS, которые проводятся не реже 2-3 раз в год².

В отсутствие исчерпывающего международного правового регулирования военной космической деятельности пособие Университета МакГилла, хоть и не сможет претендовать на статус источника права даже вспомогательного характера, станет удобным и универсальным методическим документом, содержащим описание и разъяснение вопросов, связанных с использованием космического пространства в военных целях, предназначенным для самого широкого круга лиц – от студентов

¹ Аналогичный формат использовала Комиссия международного права при разработке Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 г.

² Информация об очных встречах экспертов на портале проекта MILAMOS. URL: <https://www.mcgill.ca/milamos/progress>.

профильных университетов и научного сообщества до участников коммерческой космической деятельности и представителей государств. Актуальностью предмета исследования, востребованностью экспертным сообществом и практической применимостью подтверждается вклад такого пособия в развитие международного права.

V. Заключение

Согласно одному из основополагающих принципов международного космического права исследование и использование космического пространства является достоянием всего человечества¹. Этот принцип приобретает еще большее значение с учетом высокого уровня зависимости человека от результатов космической деятельности, без которых немислимо его будущее. Задача же настоящего — обеспечение долгосрочной устойчивости космической деятельности — тесно связана с другим принципом международного космического права, предполагающим использование космического пространства в мирных целях².

В данном контексте следует признать, что международное сообщество зачастую предпочитает замалчивать такой принципиально важный вопрос как военное использование космического пространства. Нормы и принципы военной космической деятельности остаются вне рамок международного правового режима, а общее понимание ее пределов не достигнуто даже на уровне рекомендаций. При таких обстоятельствах отрицать неблагоприятные последствия формирования государствами собственных концепций не представляется возможным.

В то же время, установление единого коллективного подхода к вопросу, каким образом государства могут осуществлять военную космическую деятельность как в мирное время, так и в периоды обострения международной напряженности и во время вооруженных конфликтов, соблюдая при этом применимые принципы международного права, служило бы цели сохранения мирного космоса на благо всего человечества.

Ярослав Васянин, Элина Морозова.

---

¹ Договор по космосу. Статья I, первый абзац: «Исследование и использование космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, осуществляются на благо и в интересах всех стран, независимо от степени их экономического или научного развития, и являются достоянием всего человечества».

² Договор по космосу. Статьи IX и XI. См. также преамбулу: «Государства–участники настоящего Договора, ... признавая общую заинтересованность всего человечества в прогрессе исследования и использования космического пространства в мирных целях, ... желая содействовать развитию широкого международного сотрудничества как в научных, так и в юридических аспектах исследования и использования космического пространства в мирных целях, ... согласились о нижеследующем».

Базаркина Дарья Юрьевна — доктор исторических наук, доцент кафедры коммуникационного менеджмента, рекламы и связей с общественностью Института журналистики, коммуникации и медиаобразования Московского педагогического государственного университета, профессор кафедры европейских и интеграционных исследований Института мировых цивилизаций.

E-mail: bazarkina-icspsc@yandex.ru.

КОММУНИКАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ЧАСТЬ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ (НА ОПЫТЕ ЕС)

Для понимания характера стратегической коммуникации как «синхронизации дел, слов и образов» важно уделить внимание самой структуре институтов борьбы с терроризмом, характеру связей между ними. Не случайно в модели коммуникации, предложенной Г. Лассуэллом¹, первым элементом является источник сообщения, а первым важным вопросом — «Кто говорит?». Выявить возможности и препятствия для формирования стратегической коммуникации ЕС и в ее рамках — коммуникационного обеспечения борьбы с терроризмом, помогает обращение к концепции политических сетей, которую среди зарубежных исследователей разрабатывают А.-М. Слотер, Д. Стоун² и ряд других авторов, применительно к террористическим организациям — М. Сейджман. Настоящей проблемой современного миропорядка становится необходимость в решении глобальных проблем, с которыми государства не справляются в одиночку. Террористические группы, налаживая сетевые взаимодействия (неформальные контакты играют в этом процессе ведущую роль³), успешно создают сетевые структуры, требующие усилий по противодействию на глобальном уровне. В то же время существуют как разногласия между государственными элитами, так и риски (как для самой элиты, так и для общества), возникающие при делегировании полномочий транснациональным сетевым структурам с их мощными финансовыми связями, доминирующей ролью США в сетевом управлении⁴, что становится объективным препятствием на пути глобального сетевого управления.

Среди российских специалистов применительно к ЕС концепция политических сетей разрабатывается, в частности, Е.С. Громогласовой, Е.В. Саворской, М.В. Стрежневой. Сетевой принцип управления противоположен иерархическому. Если иерархия «устанавливает границы между уровнями управления и ... различными функциональными сферами деятельности», то в сетях отсутствуют четкие границы, а «гибкость структуры позволяет сетям игнорировать любые установленные границы»⁵. «Сетевые организации, взаимодействуя с иерархическими (государства), разъедают их целостность и перегородку между внутренней и внешней политикой»⁶, поэтому европейские органы используют экспертные и политические сети как подспорье в поиске баланса интересов государств-членов и самих институтов ЕС. Так как внутри сети никто никому не подчинен формально, «решения непосредствен-

¹ Lasswell H.D. The structure and function of communication in society // İletişim kuram ve araştırma dergisi [Communication Theory Research Journal]. 2007. Issue 24. P. 215-228.

² См.: Stone D. Global Public Policy, Transnational Policy Communities, and Their Networks // The Policy Studies Journal. 2008. Vol. 36. №1.

³ Сейджман М. Сетевые структуры терроризма. М., 2008. С. 148.

⁴ Slaughter A.-M. A New World Order. Princeton — Oxford, 2004. P. 5.

⁵ Громогласова Е.С. Наднациональный и сетевой принципы в Европейском Союзе // Международные процессы. 2010. Т. 8. № 23. С. 75.

⁶ Там же.

но вырабатываются теми агентами, которые ответственны за их имплементацию»¹, что может повысить качество конечного продукта, так как он, вероятнее всего, будет разработан профессионалами с соответствующей квалификацией. Однако отсутствие инстанции по разрешению споров между участниками сети, необязательный характер сотрудничества и отсутствие репутационных издержек в случае выхода из него² заставляют поставить новые вопросы об эффективности сетевого подхода в разработке антитеррористических решений.

Управление в Европейском Союзе, влияние на принятие ключевых решений осуществляется на двух уровнях — национальном и «брюссельском»³. При этом происходит комбинирование элементов сетевого и иерархического принципов управления, что позволяет считать ЕС политическим образованием, «в котором власть расплывлена между различными уровнями управления и среди субъектов, а между секторами имеются существенные различия в методах принятия решений»⁴. Как показывают исследования О.Ю. Потемкиной, это проявляется и в пространстве свободы, безопасности и правосудия, основой развития которого «стало взаимодействие коммунитарного/наднационального и межправительственных методов интеграции»⁵.

При работе над общеевропейскими стратегиями в Европейском совете влияние государств-членов достигает своего пика⁶, чем, вероятно, можно объяснить сходство Антитеррористической стратегии ЕС и британской стратегии CONTEST. В то же время именно государства-члены ответственны за коммуникацию в борьбе с террористической угрозой, чем и обусловлено изучение их опыта на этом направлении.

Сетевой принцип управления выходит на первый план при получении экспертных знаний, и коммуникация здесь играет главную роль: политические сети могут выработать решения, основанные на широком консенсусе, а также являются эффективным средством доступа к информации, получаемой от государств-членов, или к самим экспертным знаниям⁷. Информация, предоставляемая сетевыми структурами, может подразделяться на три типа — экспертное знание, информация об общеевропейских интересах и информация о национальных интересах. В связи с этим особенно полезен опыт накопления такого рода информации в области борьбы с терроризмом — опыт работы европейских экспертных сетей.

Вместе с тем, для определения меры эффективности сетевого подхода в разработке и применении той или иной коммуникационной стратегии в антитеррористической деятельности представляется целесообразной оценка характера и уровня развития связей в рамках той или иной ветви терроризма. С точки зрения коммуникации само появление не только разветвленной сети контактов (и демонстрация ее возможностей), но и структур, по степени иерархичности близких к государственным может мобилизовать новых рекрутов к террористической деятельности, легитимизировать ее в глазах самих исполнителей. Для выяснения перспектив развития этой угрозы можно упомянуть ИГИЛ (организация, запрещенная в РФ), с деятельностью которой связан новый всплеск квазирелигиозного терроризма в 2015 г. Сло-

¹ См.: Стрежнева М.В. «Трансправительственные сети» в ЕС // Международные процессы. 2008. Т. 6. №1(16).

² Там же.

³ Саворская Е.В. Роль политических сетей в ЕС // Мировое развитие. Выпуск 12. Европейский союз в формирующемся миропорядке / отв. ред. Ю.Д. Квашнин, Н.В. Тоганова. М., 2014. С. 81.

⁴ Громогласова Е.С. Наднациональный и сетевой принципы в Европейском Союзе // Международные процессы. 2010. Т. 8. № 23. С. 77.

⁵ Потемкина О.Ю. Наднациональный и межправительственный методы интеграции в пространстве свободы, безопасности и правосудия Европейского Союза. Автореферат дисс. на соискание ученой степени доктора полит. наук. М., 2013. С. 25.

⁶ Саворская Е.В. Роль политических сетей в ЕС. С. 82.

⁷ Там же. С. 84.

жившаяся ситуация поставила перед ЕС вопрос о соотношении сетевого и иерархического принципов управления в сфере борьбы с терроризмом. Можно считать, что последние события, связанные с повышением уровня террористической угрозы, актуализируют проблему выбора стратегии антитеррора в СМИ, поставленную Е.Л. Варгановой.

Террористические акты являются кризисными ситуациями государственного масштаба. Они напрямую угрожают репутации правительств, требуют избрания в короткие сроки определенных коммуникационных стратегий и соответствующей риторики, поэтому в настоящем исследовании активно применяются подходы, разработанные специалистами в области кризисных коммуникаций. Т. Кумбс и ряд других исследователей¹ отталкиваются от предпосылки, что в обществе существует устоявшееся представление о том, что политические лидеры должны формулировать и транслировать убедительные объяснения, обоснования своих действий. Сама правительственная коммуникация ориентирует общество на действия в соответствии с транслируемыми установками. Чтобы достичь этих целей, правительства должны создавать и поддерживать имидж, основанный на надежности; репутацию компетентных организаторов; последовательную и отчетливую риторику, способную упорядочить восприятие политических процессов общественностью². Стихийные и необдуманные попытки правительства любой ценой сохранить веру целевых аудиторий в его надежность и компетентность могут привести подчас к необоснованным изменениям правительственной коммуникации, даже стать поводом для распространения непроверенной или заведомо ложной информации.

Начальная ответственность за кризис формирует угрозу репутации. Ценным вкладом в исследования кризисных коммуникаций стал аргумент Т. Кумбса, согласно которому в первой фазе кризиса структуры и лица, ответственные за ситуацию, могут попасть в одну из трех «кризисных групп». Первая, «группа жертв», имеет очень слабую атрибуцию ответственности за кризис: организация рассматривается как жертва случая. Так часто происходит, например, при стихийном бедствии. Вторая, «группа второстепенной ответственности», берет минимальную ответственность за кризис, который считают неумышленным или не поддающимся контролю со стороны организации. Часто это происходит, например, при несчастных случаях вследствие технической ошибки. Третья группа — «группа намерений»: это группа с высокой склонностью к атрибуции ответственности, которая, как полагает общественность, провоцирует кризисную ситуацию, как в случае с тщательно организованными преступлениями³. При экономической нестабильности политические и государственные лидеры в условиях террористической атаки в глазах общественности часто попадают в третью группу: помимо объективного снижения доверия к власти на фоне экономических проблем, властные структуры получают ущерб от пропаганды террористов, что показывают и последствия теракта в 2004 г. в Мадриде, и рост страха перед террористической угрозой, наблюдающийся в последние годы в ЕС в целом.

Тип кризиса зависит от того, как он преподносится общественности различными политическими стейкхолдерами⁴. В этом случае правительства должны составлять ключевое сообщение, используя риторику, адекватную ситуации. Для описания

¹ См.: The Handbook of Crisis Communication / ed. W. T. Coombs, S. J. Holladay. Southern Gate, 2010; Ньюсом Д., Терк ВанСлайк Дж., Крукеберг Д. Все о PR. Теория и практика публичных релейшнз. 7-е изд. М, 2001; Улмер Р., Селлнау Т., Сиджер М. Эффективная кризисная коммуникация. Харьков, 2011.

² The Handbook of Crisis Communication / ed. W. T. Coombs, S. J. Holladay. Southern Gate, 2010. P. 451.

³ Там же.

⁴ Под термином «стейкхолдеры» подразумевают группы влияния, существующие внутри или вне организации, которые надо учитывать при осуществлении ее деятельности.

этого процесса исследователи обращаются к теории рамочного анализа (framing)¹, крайне полезной при изучении коммуникации в ответ на террористический акт.

Необходимость пересмотра основополагающих концепций борьбы с терроризмом признается как научным сообществом², так и представителями силовых структур, журналистами³. Ведущий аналитик Колледжа сухопутных войск армии США А. Дж. Эчеварриа II выделяет четыре основных типа идейных войн в современном мире: интеллектуальные споры, споры о религиозных догматах, идеологические войны и рекламные кампании⁴. Его концепция применена в данном исследовании, так как различные элементы коммуникации в борьбе с терроризмом, в том числе используемые в ЕС, а также в теоретических разработках и практическом опыте международных организаций, в разной степени можно отнести к тому или иному типу идейных войн. К примеру, обсуждая интеллектуальные споры, нельзя упускать из виду, что их направленность определяется экономическими и политическими приоритетами сторон, фактором влияния внутри- и внешнеполитической повестки дня и т. п. Таким образом, даже научная дискуссия, стремясь к объективности, не может не учитывать внешних воздействий. В еще большей мере этим воздействиям подвержены СМИ, находящиеся под влиянием эффекта CNN⁵. В связи с этим, а также с неэффективностью военных методов борьбы с терроризмом⁶, растет значение правительственной коммуникации.

Ответ властей на террористические акты осуществляется под воздействием ряда усложняющих факторов. Среди них — неожиданность, дополнительные угрозы, создаваемые кризисом, дефицит времени на реакцию⁷, недостаток оперативной информации⁸, необходимость принятия решений в условиях стресса, обусловленная мгновенным раскрытием шокирующей информации⁹. Можно отметить и новый характер угрозы: теракты 11 сентября 2001 г. стали первыми в череде атак с принципиально новыми качествами, среди которых — масштабность, характер ударов (внезапность, исполнение на американской территории, неприменение оружия или сложных технологий), новый тип противника (негосударственная криминальная организация), выбор цели (самая могущественная мировая держава)¹⁰. Проблемы, возникающие при кризисной коммуникации в ответ на терроризм, обусловлены во многом именно этими и другими факторами, помешавшими правительствам и международным организациям своевременно определить свою целевую аудиторию и скорректиро-

¹ Brewer J. A Practitioner's Guide to Political Frames // Cognitive Policy Works: [website]. 29.06.2010. URL: www.cognitivepolicyworks.com/blog/2010/06/29/a-practitioners-guide/ (accessed: 30.11.2015).

² См., например: Crelinsten R. Counterterrorism. Cambridge, 2009; McKinley M. Filtering IR: What Students Should be Taught at University and Why it Won't Be — The Case of International Terrorism. Paper presented at the CEEISA 9th Convention, Jagiellonian University, Krakow, Poland, 21st September 2012; Simons G. Mass Media and Modern Warfare. Farnham, 2010 и др.

³ Униговская С., Едынак Я. Терроризм: истоки, развитие, прогнозы // Политика. 2012. № 96. С. 25–26.

⁴ Эчеварриа А. Дж. II. Идейные войны и война идей // Политика. 2012. № 96.

⁵ См.: Базаркина Д. Ю. Коммуникационная стратегия наднациональных организаций ЕС в борьбе с терроризмом: попытка анализа // Государственное управление. Электронный вестник. 2012. №35. URL: e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item_32m (дата обращения: 08.08.2013).

⁶ Шенс А. Финансирование безопасности в глобальном контексте // Ежегодник СИПРИ 2005. Вооружения, разоружение и международная безопасность. М., 2006. С. 282.

⁷ Улмер Р., Селлнау Т., Сиджер М. Эффективная кризисная коммуникация. Харьков, 2011. С. 18–20.

⁸ Алешина И.В. Паблик рилейшнз для менеджеров. М., 2006. С. 375.

⁹ Fearn-Banks K. Crisis Communication. A Casebook Approach. 4th Edition. New York — London, 2011. P. 35.

¹⁰ Ротфельд А. Д. Глобальная безопасность после 11 сентября. Введение // Ежегодник СИПРИ 2002. Вооружения, разоружение и международная безопасность. М., 2003. С. 4.

вать основные сообщения в соответствии с ее ожиданиями. Это привело к тому, что обсуждение проблемы терроризма затронуло чувства многих людей, ощутивших себя жертвами стереотипов, сложившихся, к примеру, в отношении мусульман, проживающих в США и странах ЕС.

В процессе коммуникации между террористической организацией и правительством или международным сообществом именно террористы иницируют и начинают обмен сообщениями¹. Основная целевая аудитория террористических групп — власти государств, на территории которых проводится теракт, — способна в силу разных факторов совершать спонтанные поступки, еще более дестабилизирующие государственную систему при отсутствии слаженного плана не только оперативных мер, но и кризисных коммуникаций. Главная причина этого явления заключается в том, что основное внимание исследователей сконцентрировано не на базисном субъекте коммуникационного обеспечения («заказчике» коммуникационной стратегии), каковым является государство, а на технологическом субъекте — средствах массовой информации, которые, независимо от своей лояльности, в условиях конкуренции неминуемо действуют в интересах тех или иных экономических или политических институтов. Мы можем найти многочисленные рекомендации для журналиста по освещению террористического акта², но крайне редко — указания для представителей власти или организаций, осуществляющих антитеррористическую деятельность.

Задача минимизации ущерба от террористической деятельности требует изучения характера коммуникации самих террористов, в частности — основных фаз террористических кампаний и их задач:

1. *Провокация.* Террористы осуществляют насильственные действия с целью вызвать бурную реакцию у официальных властей. С продолжением насильственных действий регулирование общественной жизни, вероятнее всего, будет осуществляться в условиях чрезвычайного положения, а инструкции, передаваемые тревожным службам, — подразумевать чрезвычайные полномочия. Теракт больше не рассматривается как обычное преступление³. На этой стадии «чрезвычайные полномочия», предоставляемые властям, чаще всего подаются (притом не обязательно террористической пропагандой, но и любыми организациями, не согласными с официальным курсом) как повод для развязывания репрессий. К примеру, авторы ряда немецкоязычных интернет-сайтов квазирелигиозной направленности постоянно транслируют сообщение о любых действиях полиции как о репрессивных мерах в отношении мусульман. Есть примеры общественных кампаний, направленных против правительственных мер по обеспечению для спецслужб доступа к корреспонденции граждан, и подтверждающих репутационные риски, с которыми сталкиваются правительства в подобной ситуации.

2. *Эскалация.* В случае если террористам удалось спровоцировать государственные власти на определенные уступки, теракты становятся более жестокими, что, в свою очередь, приводит к дальнейшему усилению мер безопасности. Государство предпринимает все более серьезные, часто исключительные меры, «в том числе и очевидно незаконные тактики в поиске победы»⁴, к примеру, сбор разведанных различными средствами. В опыте стран ЕС можно встретить примеры того, как поиск информаторов приводил к возмущению действиями спецслужб со стороны журналистов.

3. *Вина.* В условиях эскалации террористической деятельности и ответных мер властей обе стороны разворачивают информационные кампании с целью возложить

¹ Гарев А.В. Информационные угрозы современного международного терроризма. М., 2010. С. 9.

² См., к примеру: Журналистика и СМИ против террора. М., 2009.

³ The Psychology of Counter-Terrorism / ed. A. Silke. London — New York, 2011. P. 5.

⁴ Там же.

ответственность на противника¹. Как показывает практика, эта фаза характеризуется высоким риском для правительственных структур потерять доверие граждан, в особенности, если на стадиях провокации и эскалации конфликта не велось адекватного коммуникационного обеспечения контртеррористической операции.

4. *Испытание выносливости, изматывание.* Это заключительная фаза, на которой террористы стремятся сломить волю и моральные принципы властных структур и граждан государства, подвергнувшегося атаке. Цель террористической организации — показать, что террористы имеют моральные основания для своей практики², а также располагают большими возможностями продолжать борьбу, нежели государственные власти. Когда это удается, силовые структуры начинают поиск альтернативных решений проблемы, что полностью разрушает стихийно вырабатывавшуюся стратегию. Коммуникация правительства Испании после терактов в Мадриде может считаться примером того, как государство само приблизило последнюю фазу кампании, не только не имея адекватной стратегии ответа на новую угрозу, но и долгое время отрицая ее наличие.

Обязательным условием кризисных коммуникаций является адресность информационных потоков: коммуникации должны быть направленными на те целевые аудитории, которые больше всех нуждаются в непротиворечивой аутентичной информации. При разработке коммуникационной стратегии обобщаются данные о целевой аудитории (пол, возраст, национальность, семейное положение, экономические условия, культурная и религиозная принадлежность и т.п.). Нельзя заключить, что террористические сети формируются людьми с одинаковым уровнем жизни; например, квазирелигиозные группы чаще всего образуют люди разного уровня достатка. Террористические сети включают людей самых разных профессий и родов занятий. К примеру, из тех, кто осуществлял неудавшееся нападение на посольство Соединенных Штатов в Париже, один человек служил в элитном армейском батальоне, двое были чернорабочими, а еще один был программистом, работающим на местное правительство. Однако рекруты террористических организаций имеют относительно сходные возрастные характеристики³, которые дают возможность составить психологический портрет, а также высокий показатель эмоциональности восприятия действительности, склонности принимать на веру различного рода заявления (в случае квазирелигиозного терроризма объектами пропаганды становятся верующие высокого уровня религиозности), сходные культурные особенности.

Ощутимой проблемой коммуникационного противодействия терроризму можно назвать противоречие сообщений разных представителей элиты. Ценность обращений к общественности правительства Т. Блэра после теракта в Лондоне 7 июля 2005 г. снижается появлением принца Гарри в карнавальном костюме — подобии формы Африканского корпуса вермахта со свастикой на рукаве⁴ (несмотря на то, что теракт произошел позже, подобные действия персон, являющихся постоянным объектом внимания прессы, могут провоцировать всплески национальной и религиозной вражды, которая является благоприятной почвой для развития терроризма). Негативное сообщение исходит от представителя высокого уровня власти в глазах общественности и получает большее внимание. Это приводит и к падению репутации, и к более ощутимому ущербу, как в случае принца Гарри, которого боевики Афганистана объявили своей мишенью №1. Его присутствие на фронте стало дополнительной причиной нападения боевиков на военную базу «Camp Bastion» в

¹ The Psychology of Counter-Terrorism / ed. A. Silke. London — New York, 2011. P. 5.

² Там же.

³ Bakker E. Jihadi Terrorists in Europe, Their Characteristics, and the Circumstances in Which They Joined the Jihad: An Exploratory Study. The Hague, 2006. P. 33.

⁴ Harry says sorry for Nazi costume. Prince Harry has apologised for wearing a swastika armband to a friend's fancy dress party // BBC News: [website]. 13.01.2005. URL: news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/4170083.stm (accessed: 27.03.2013).

афганской провинции Гельменд¹. Проблема концентрации усилий государственных и негосударственных структур на важном направлении также остается актуальной и в выработке антитеррористической стратегии².

В целом меры коммуникационного противодействия терроризму можно разделить на две основные группы: кризисные коммуникации, осуществляющиеся непосредственно в ситуации террористической атаки, и превентивная коммуникационная активность антитеррористических структур. Коммуникации после теракта направлены на преодоление неопределенности, на что указывают их правила, среди которых — готовность к нестандартным решениям, запуск и постоянная поддержка процесса коммуникации сразу после теракта, несмотря на недостаток конкретной информации, готовность отстаивать свою интерпретацию фактов³ и т. д. Однако важно, что при отсутствии позитивных ценностей до начала кризиса восстановление будет либо тяжелым, либо невозможным вообще, поэтому одного моделирования кризисных ситуаций и тренингов явно недостаточно. Инструкции подобного рода функциональны при наличии тщательно разработанного плана кризисных коммуникаций и достаточно высоких имиджа и репутации государственных структур. Эти требования к коммуникации предполагают более тесное сотрудничество специалистов по связям с общественностью и аналитиков, исследователей, что означает, по сути, признание важной роли интегрированного коммуникационного менеджмента.

Дарья Базаркина.

¹ Боевики пытались убить принца Гарри // ДНИ.РУ — интернет-газета: [сайт]. 16.09.2012. URL: www.dni.ru/incidents/2012/9/16/240555.html (дата обращения: 27.03.2013).

² Pashentsev E. N. The strategic communication of Russia in Latin America under the global crisis. Paper presented at the CEEISA 9th Convention, Jagiellonian University, Krakow, Poland. 21 September 2012.

³ Улмер Р., Селлнау Т., Сиджер М. Указ. соч. С. 153–154.

Грунтовский Григорий Иосифович.

E-mail: g.j.gruntovsky@yandex.ru.

РОССИЯ В БОРЬБЕ С СОВРЕМЕННЫМ МЕЖДУНАРОДНЫМ ТЕРРОРИЗМОМ

Одной из главных глобальных проблем для современного международного сообщества является проблема терроризма. Терроризм как негативное социально-политическое явление, расширяет свои рамки от террористических группировок до захвата территорий целых государств (ИГИЛ¹ – запрещенная в РФ организация). Он представляет все большую угрозу не только безопасности Российской Федерации, но и безопасности всего мирового сообщества. Трансформация терроризма в современных условиях в весьма масштабное и распространенное социально-политическое явление, конечно, обусловлена самыми различными противоречиями, существующими в конкретных обществах и международном сообществе в целом. Имея весьма сложное содержание и разветвленную систему форм, он затрагивает в первую очередь область политических отношений на межгосударственном, межнациональном, классовом, групповом уровнях. Опасность его в том, что терроризм наносит удар по самой сути ценностей, которые определяют человеческое существование: его правам и свободам, демократии, принципу верховенства права, стабильности.

Терроризм, как социально-политическое явление имеет однозначно негативную оценку и выступает как практика нелегитимного насилия, реализуемая противостоящими государству силами и организациями. Это порождает в различных источниках произвольное толкование его сущности. Одни придерживаются тенденции неоправданно расширенной трактовки толкования терроризма, когда некоторые политические силы без достаточных оснований называют террористами своих противников (пример – конфликт на Украине). Другие трактуют его неоправданно сужено. Сами же террористы, являясь представителями и носителями определенной (как правило, антигуманистической) идеологии, считают себя борцами за «справедливость», противниками существующего в той или иной стране государственного строя или легитимного государственного лидера. Отсюда исходят и трудности как в правовом определении этого явления, так и в общетеоретическом осмыслении терроризма.

На протяжении всех исторических периодов существования терроризма, формы и методы его деятельности, претерпевали существенные изменения в разные времена. В современных же условиях терроризм трансформировался в весьма масштабное и распространенное социально-политическое явление. Бесчеловечность совершаемых его представителями террористических актов говорит о необходимости взаимодействия международного сообщества по обеспечению надежных гарантий против доступа террористов к оружию массового поражения.

Само понятие «терроризм», «террорист» появилось еще в конце XVIII века, во Франции в период Великой французской революции. Террористами называли себя якобинцы – участники французского политического клуба, связанного с радикальным эгалитаризмом, республиканизмом и применением насилия в достижении своих политических целей.

В России зарождение терроризма связано с народовольцами². Одним из основных методов политической борьбы членов «Народной воли» был террор. Именно

¹ ИГИЛ – Исламское государство Ирака и Леванта – международная исламистская суннитская экстремистская террористическая организация, действующая преимущественно на территории Сирии и Ирака фактически с 2013 г. как непризнанное квазигосударство (провозглашенное как всемирный халифат 29 июня 2014 г.) с шариатской формой правления.

² Народовольцы – члены революционной народнической организации «Народная воля», возникшей в 1879 г. Одним из основных методов политической борьбы организации был террор.

ее члены в 1881 г. организовали покушение на царя и с помощью самодельной бомбы убили Александра II. В период с 1902 г. по 1907 г. террористами в России было осуществлено около 5,5 тыс. террористических актов, жертвами которых стали министры, депутаты Государственной Думы, жандармы, полицейские и прокурорские работники. Проявление террора в отношении государственного чиновника было осуществлено и в Киеве в 1911 г. Тогда агент охраны Дмитрий Богров в городском театре Киева, в присутствии царя Николая II и его семьи, осуществил покушение на председателя Совета министров П.А. Столыпина.

Во времена советской власти терроризм как социально-политическое явление проявлялся редко, так как потенциальные террористы знали, что в условиях закрытости советского общества и существовавшей в нем цензуры (а для террористов важно, чтобы о теракте узнала широкая общественность), они своих целей подобными действиями не добьются.

Вплотную наша страна столкнулась с терроризмом во времена «перестройки», когда обострились национальные конфликты. Так, за последние годы в нашей стране был проведен ряд крупных террористических актов – взрывы жилых домов в Москве и Волгодонске, взрыв во время парада в Каспийске, захват театрального центра на Дубровке во время мюзикла «Норд-Ост». В августе 2004 г. произошли одновременно взрывы двух пассажирских самолетов, а в сентябре произошел захват террористами учителей, учеников и их родителей (более 1200 человек) в средней школе № 1 г. Беслан (Республика Северная Осетия - Алания) и другие. В январе 2011 г. теракт произошел в московском аэропорту «Домодедово», в 2015 г. - в самолете, следовавшем рейсом из Египта в Санкт-Петербург, неоднократно взрывы гремели в московском метро... И в последнее время, по словам Президента РФ В.В. Путина, представителями государственных специальных служб были предотвращены десятки террористических актов на территории России.

Терроризм в современных условиях - это не только проблема одного государства, это острейшая международная проблема. Свидетельство этому – следующие теракты: взрыв в Нью-Йорке Всемирного торгового центра 11 сентября 2001 г., унесший жизни 3,5 тыс. человек; объединенные в одну цепь взрывы 11 марта 2004 г. в приго-

родных поездах в центре Мадрида (Испания); бесконечные теракты в Израиле, на Филиппинах и других странах.

В целях совместной с международным сообществом борьбы с международным терроризмом, Российская Федерация ратифицировала ряд международных конвенций по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Деятельность по борьбе с терроризмом урегулирована более чем 30 нормативными правовыми актами Российской Федерации, которые призваны детализировать положения законов и актов Президента и Правительства РФ.

В Федеральном законе РФ «О противодействии терроризму» дано определение терроризма как идеологии насилия и практики воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанного с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий¹. В этом же законе дается определение таким понятиям, как «террористическая деятельность», «террористический акт», «противодействие терроризму». В РФ в список запрещенных и признанных в качестве террористических организаций внесены ИГИЛ и «Джабга ан-Нусра». В современное российское законодательство постоянно вносятся необходимые поправки, связанные с динамикой международной социально-политической обстановки и динамикой проявления самих форм действий террористов, разрабатываются механизмы исполнения этих поправок.

В XXI веке руководство РФ уделяло и уделяет пристальное внимание борьбе с любыми формами проявления терроризма. Так, Президент РФ всегда в ежегодных посланиях Федеральному Собранию отмечает глобальный характер угрозы международного терроризма и необходимость международному сообществу взаимодействовать по борьбе с ним на основе международного права и под эгидой ООН. Не исключением стало и Послание Президента РФ Федеральному Собранию в марте 2018 г. В нем В.В. Путин отметил, что Россия рассчитывает на объединение усилий международного сообщества в борьбе с реальной, а не выдуманной угрозой – меж-

¹ Федеральный закон № 35-ФЗ от 6 марта 2006 г. «О противодействии терроризму». Ст. 3.

дународным терроризмом. И что именно эту задачу решают в Сирии наши военно-служащие¹.

В борьбе с международным терроризмом в Сирии Россия продемонстрировала решительность, ответственность и эффективность, в отличие от западных партнеров, которые проводят политику двойных стандартов в отношении террора. Сам ближневосточный эпицентр борьбы с терроризмом важен для всего мирового сообщества и подтверждает необходимость общей, действенной борьбы с этим злом. В данном регионе переплетаются национальные интересы многих стран, и России в первую очередь. В случае успеха в Сирии ИГ (деятельность запрещена на территории РФ), резко возросла бы угроза как для всего ближневосточного региона, так и для европейских государств, России и ее соседей в Азии. Поэтому руководство России предлагает мировому сообществу искоренять терроризм в Сирии и в целом в ближневосточном регионе, а не проводить геополитические игры и политику двойных стандартов. Вооруженные Силы России, осуществляя авиационную поддержку силам сирийской правительственной армии (единственной реальной и легитимной силы для наведения порядка в стране) в борьбе с террористическими группировками, достигли существенных результатов и предотвратили глубокую гуманитарную катастрофу в данном регионе. В отличие от России, коалиционные силы западных стран (особенно США) по-прежнему пытаются заигрывать с террористами и стремятся с их помощью свергнуть законную государственную власть в Сирии.

Страны Запада во главе с США, преследуя свои геополитические цели, долгое время способствовали взращиванию и созданию в Сирии так называемой антиасадовской оппозиции. Тем самым они создавали благоприятные условия для усиления террористической группировки ИГ, в ряды которой перетекала вооруженная антиасадовская оппозиция. Как показывает современная ситуация на Ближнем Востоке и непосредственно в Сирии, они продолжают преследовать эти цели, тем самым накаляя и без того взрывоопасную обстановку в регионе. Анализ действий стран Запада во главе с США в «борьбе с терроризмом» приводит к выводу, что становление и утверждение современного международного терроризма до уровня государственной

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.03.2018 // <http://www.consultant.ru> (Дата обращения: 06.03.2018).

террористической организации, происходило и происходит с их молчаливого согласия и отсутствия адекватной реакции.

Американский журналист Мартин Бергер в своей статье «Так кто же ответит за преступления в Алеппо?»¹ отметил обычно демонстративно активную реакцию США и их западных союзников на любые события с участием Москвы и Дамаска в противодействии террористам в Сирии. Но на военные преступления вооруженной западной коалиции, в результате которых погибли и гибнут мирные жители, (провинция Алеппо, курдское селение Хассаджек - 18 октября 2016 г.), реакция до сих пор отсутствует. Запад продолжает выдвигать необоснованные обвинения в адрес Москвы и Дамаска, распространяя в СМИ лживую информацию об убийстве мирного населения и применении против него химического оружия.

Это наталкивает на мысль о том, что молчанием о преступлениях под Алеппо, Вашингтон и Брюссель хотят приучить мировую общественность к безнаказанности военных преступлений Запада, как это уже произошло в Ливии, Ираке и многих других странах. Как это было в густонаселенной части окрестностей г. Мосул (Ирак), когда ВВС США нанесли по ней авиаудар, а их союзники в это время обстреливали город из артиллерии, применяя кассетное вооружение и зажигательные снаряды².

Дипломатические усилия, подкрепленные группировкой ВКС, Средиземноморской эскадрой и Каспийской флотилией, позволили России в короткое время сделать в Сирии гораздо больше, чем коалиции из шести десятков стран под руководством США за год.

Свою приверженность в открытой и совместной борьбе с международным тер-

роризмом руководство России подтвердило и во время саммита БРИКС в октябре 2016 г., проходившего в Индии (штат Гоа). Премьер-министр Индии Нарендра Моди отметил, что Индия высоко ценит усилия России в борьбе с международным терроризмом. Такую же позицию выразил и Председатель КНР Си Цзиньпин,

¹ Бергер М. Так кто же ответит за преступление в Алеппо? // <http://journal-neo.org> от 24.10.2016.

² См. там же.

подтвердив схожесть позиций России и Китая относительно необходимости противодействия терроризму и дальнейшему взаимодействию всех стран по воспрепятствованию проникновения на территорию Средней Азии и через нее далее международного террора.

В конце 2017 г. по приказу Верховного главнокомандующего Вооруженными силами РФ большая часть российских войск была выведена из Сирии. В Сирии (Латакия) оставлена только необходимая для поддержки правительственных сил и обеспечения порядка на освобожденных территориях часть российских войск. Запад в этих условиях вынужден сотрудничать (если это можно так назвать) с Россией, которая прочно закрепилась в Сирии и эффективно по-

мощает правительственным войскам САР уничтожать военную и экономическую инфраструктуру ИГ. Очевидно, что США и НАТО не хотят признавать российское лидерство на ближневосточном участке борьбы с терроризмом и продолжают поддерживать оппозиционные правительству Сирии группировки, не проводя четкого разграничения между оппозицией и террористами.

Активизация деятельности радикальных исламистских группировок по всему миру вынуждает и российское руководство принимать адекватные меры противодействия этой угрозе национальной и международной безопасности. Сегодня Россия продолжает вести борьбу с передовым отрядом сил международного терроризма ИГИЛ. Долгое время США и их союзники старались не замечать роста этого террористического монстра, преследуя свои планы по использованию этих группировок для свержения неугодного им в Сирии режима Башара Асада. Результат их непродуманных, направленных на решение в этом регионе своих интересов – наплыв в Западную Европу беженцев. Не секрет, что эмиссары террористов и сейчас ведут вербовку добровольцев и наемников для участия в джихаде по всему миру.

Руководство Российской Федерации проводит серию активных и превентивных мероприятий по противодействию терроризму как глобальной проблеме XXI века. На внешнеполитическом направлении России удалось инициировать в начале февраля 2015 г. принятие Советом Безопасности ООН резолюции с осуждением «всякого участия в прямой или непрямо́й торговле с ИГИЛ и другими организациями, связанными с «Аль-Каидой»¹. В 2016 г. им же принята предложенная российскими

¹ Иванов С. Россия в борьбе с исламистскими группировками // <http://ru.journal-neo.org> (Дата обращения: 08.03.2015).

и турецкими властями резолюция о режиме прекращения огня в Сирии. А в феврале 2018 г. Россия поддержала подготовленный делегациями Кувейта и Швеции проект резолюции Совета Безопасности ООН, призывающей к 30-дневному прекращению огня по всей территории Сирии.

Россия оказывает гуманитарную помощь сирийским и иракским беженцам на территории Иракского Курдистана, Сирии, а также военно-техническую помощь иракским и сирийским властям. Представители Российской Федерации продолжают прилагать усилия по организации контактов между представителями правительства Башара Асада и оппозиции, их примирения и выхода из конфликта в целях разрешения противоречий мирными, демократическими методами.

Руководство Российской Федерации реально оценивает угрозу национальным интересам и интересам международного сообщества от расползания терроризма по миру. За счет интеграции в рамках евразийского сотрудничества Россия укрепляет связи с центрально-азиатскими государствами, налаживает с ними более тесную кооперацию в различных областях, в том числе и в сфере региональной безопасности¹.

Даже с имеющимися успехами в Сирии, борьба с международным терроризмом не окончена. Известно, что в сирийский конфликт вовлечено множество государств: Россия, Иран, Турция, США, Израиль. Каждая из этих стран имеет как регулярные армии, так и так называемые «добровольческие соединения», воюющие под руководством военспецов. Самая многочисленная группировка, как считается, иранская (Корпус стражей исламской революции — КСИР). Помимо КСИР и различных военно-диверсионных отрядов, активную роль в сирийском конфликте играют и нанятые Ираном шиитские наемники. Понятно, что сами сирийцы в одиночку вряд ли бы справились с международным конгломератом террористических организаций, к созданию которых в разные годы приложили руку спецслужбы США и Израиля, а также таких стран, как Турция, Саудовская Аравия, Катар и ряд стран-членов Евросоюза. Мешали и мешают превратить Сирию в рассадник международной напряженности именно Россия и Иран. Цель нынешних прокси-спецопераций западной коалиции и их подопечных, чередовавшихся с прямыми военными операциями и авиаударами, — добиться вывода россиян и иранцев из Сирии².

Сегодня становится все более очевидным, что победить террористов одними только действиями сирийской армии и разрозненных формирований курдских ополченцев и шиитской милиции, даже при поддержке ВКС и военнослужащих России — было бы невозможно. Для этого нужны скоординированные усилия всех заинтересованных в стабильности международной обстановки государств и международных организаций. Россия выступает за дальнейшее международное сотрудничество в борьбе с международным терроризмом под эгидой ООН, в рамках международного права и при взаимодействии на этом направлении.

В настоящее время позиция России в борьбе с международным терроризмом в целом и в Сирии в частности обозначена четко. Нашей страной, совместно с Ираном и Сирией, предприняты практические шаги по уничтожению целого террористического квази-государства на территории последней. Даже несмотря на недостаток взаимопонимания (в частности, с западной коалицией во главе США), Россия сотрудничала и продолжает международное сотрудничество в области борьбы с терроризмом в соответствии с международным и национальным законодательством³.

Таким образом, Россия играла и продолжает играть важную роль в борьбе с попытками дальнейшего распространения экстремизма и международного терроризма (в частности, радикального или политизированного ислама) в мире в целом, и на

¹ Иванов С. Россия в борьбе с исламистскими группировками // <http://ru.journal-neo.org> (Дата обращения: 08.03.2015).

² Шакарянц С. Как ответят Россия и Иран на прокси-агрессию США и Израиля в Сирии // <https://regnum.ru/news/2380204.html> (Дата обращения: 12.03.2018).

³ Федеральный закон № 35-ФЗ от 6 марта 2006 г. «О противодействии терроризму». Ст. 4.

Ближнем Востоке, в частности. Принимаемые Российской Федерацией и прогрессивным международным сообществом меры по борьбе с международным терроризмом помогут разрешить эту глобальную проблему современности, не допустить ее дальнейшего разрастания, а в будущем и искоренения в целом.

Литература

1. Федеральный закон № 35-ФЗ от 6 марта 2006 г. «О противодействии терроризму».
2. Федеральный закон № 114-ФЗ от 25 июля 2002 г. «О противодействии экстремистской деятельности».
3. Указ Президента РФ № 116 от 15 февраля 2006 г. «Положение о Национальном антитеррористическом комитете».
4. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.12.2016 // <http://www.consultant.ru> (Дата обращения: 06.03.2018).
- Бергер М. Так кто же ответит за преступление в Алеппо? // <http://journal-neo.org> (Дата обращения: 24.10.2016).
5. Иванов С. Россия в борьбе с исламистскими группировками // <http://ru.journal-neo.org> (Дата обращения: 08.03.2015).
6. Шакарянц С. Как ответят Россия и Иран на прокси-агрессию США и Израиля в Сирии // <https://regnum.ru/news/2380204.html> (Дата обращения: 12.03.2018).

**Григорий Грунтовский.
Фото Александра Колотило и из сети Интернет.**

Половенко Олег Павлович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры коммуникационного менеджмента, рекламы и связей с общественностью Института журналистики, коммуникации и медиаобразования Московского педагогического государственного университета
E-mail: polole@yandex.ru

ЗОЛОТОЙ ФОНД РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ (ЖУРНАЛУ «МОРСКОЙ СБОРНИК» – 170 ЛЕТ)

27 марта одному из старейших журналов нашей страны, центральному печатному органу Военно-Морского Флота РФ, «Морскому сборнику» исполнилось 170 лет. Он освещает проблемы военно-морского искусства, боевой подготовки, воспитательной работы, истории флота.

Журнал «Морской сборник», писал историк С.Ф. Огородников, – многотомная коллекция, полнейшая энциклопедия знаний и сведений по всем отраслям морского дела ... летопись многообразных и разнообразных событий¹. В научной среде «Морской сборник» признан как один из самых авторитетных изданий. На него подписываются сегодня более в чем 50 странах мира. Рассматривается вопрос о внесении «Морского сборника» в Книгу российских рекордов Гиннеса, как старейшего в России военного периодического печатного издания, выходящего с 1848 г. ежемесячно без единого перерыва, не менявшего названия и направленности. За это время журнал выпустил более 2000 номеров. Многочисленные отзывы говорят о том, что он пользуется огромным авторитетом в среде моряков и в научном сообществе, входит в перечень научных журналов ВАК.

Основателем журнала был известный русский мореплаватель и географ, исследователь Арктики, учредитель Русского географического общества, в последствии президент Петербургской Академии наук вице-адмирал Ф.П. Литке (1797-1882). Получив назначение на пост председателя Морского ученого комитета, он лично занялся организацией флотского издания². Первый номер журнала увидел свет 15 (27) марта 1848 г.

В журнале публиковались известные писатели, ученые, передовые офицеры флота. Эти материалы находили живой отклик во всей читающей России. Освещая вопросы военно-морского искусства, «Морской сборник» пропагандировал его историю, поднимал проблемы тактики ведения боя.

Рассказывая о первопроходцах, «Морской сборник» сообщал читателям о больших и малых географических открытиях, новых морях и землях. Из номера в номер на его страницах помещались статьи, путевые очерки, короткие сведения о плаваниях кораблей и эскадр, состоянии иностранных флотов, военных действиях на море, новейших достижениях в морском деле, вооружении, судостроении, а также историко-литературные произведения и библиографические материалы. Случалось, что некоторые журнальные публикации становились практическим пособием, оказывали неоценимую помощь мореплавателям в критических ситуациях.

Обозревая номера журнала, Н.Г. Чернышевский заметил, что это новое издание не только замечательное явление в русской литературе, но и, «может быть, самое замечательное во многих отношениях». Его, как и других передовых людей того времени (А.И. Герцена, Н.А. Добролюбова, Н.А. Некрасова, М.Е. Салтыкова-Щедрин, И.С. Тургенева, Т.Г. Шевченко), особенно привлекало в журнале подробное описание подвигов и биографий героев войны как офицеров, так и матросов, об-

¹ См.: Огородников С.Ф. Исторический обзор развития и деятельности Морского министерства за сто лет его существования /1802-1902 гг./ . СПб., 1902.

² См.: Белогуров С.Б. История военной периодической печати в России /XIX – начало XX вв./: Дис. ... доктора ист. наук. М., 1998.

народование списков раненых, самостоятельность и смелость многих трактовок и выводов. Все это позволило Н.Г. Чернышевскому объявить о превосходстве «Морского сборника» над остальными отечественными специальными периодическими изданиями¹.

На страницах журнала смело излагались критические взгляды и мысли по поводу намечаемых на флоте реформ, велась настойчивая борьба за отмену телесных наказаний военнослужащих, перестройку системы образования, воспитания и судопроизводства. Публиковались материалы, осуждающие крепостнические порядки в армии и на флоте, а также косность, рутину и бюрократизм в чиновничьем государственном аппарате.

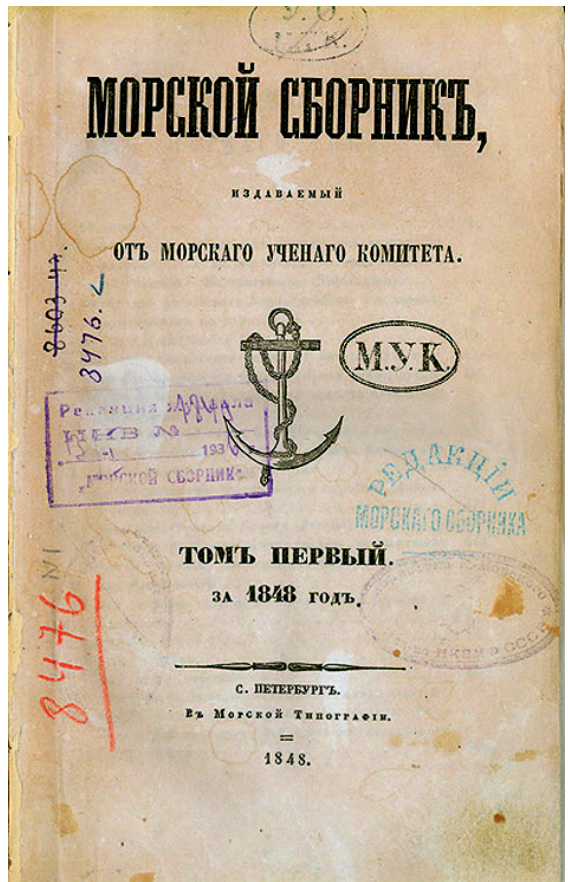
Обращение к острым проблемам позволило работникам журнала не только раздвинуть узковедомственные рамки публикаций, но и привлечь к сотрудничеству самый широкий круг авторов: популярных литераторов и историков, известных ученых и педагогов, знаменитых пу-

тешественников и мореплавателей, опытных военачальников и молодых передовых офицеров флота. В журнале печатались Г.И. Бутаков, А.В. Головнин, И.А. Гончаров, Д.В. Григорович, В.И. Даль, С.О. Макаров, Н.И. Пирогов, А.Ф. Писемский, К.Н. Посьет, Е.В. Путятин, К.М. Станюкович, К.Д. Ушинский².

Предпринимались неоднократные попытки закрыть журнал или передать его в частные руки, но каждый раз общественность отстаивала его право на существование и самостоятельность.

В советский период «Морской сборник» являлся активным проводником политики молодого государства, революционных и боевых традиций его Военно-морского флота.

Журнал освещал вопросы строительства военно-морских сил, военно-морского искусства, роль флота, анализировал действия флотов и флотилий в периоды вооруженной борьбы. К примеру, журналу, несмотря на тяжелейшие условия, вызванные Гражданской войной, интервенцией и разрухой, оказывалась и значительная материальная помощь. 30 апреля 1919 г. В.И. Ленин подписал постановление Совнаркома, в котором предписывалось: «Отпустить Народному комиссариату по Морским делам за счет наличных средств Государственного Казначейства дополнительным сверхсметным кредитом... на январь-июнь с.г. на покрытие перерасчетов по изда-

¹ Литвак Б.Г. Чернышевский и отечественное источниковедение. // Вопросы истории. 1978. № 6. С. 26-40.

² См.: Половенко О.П. Журнал «Морской сборник» как источник по истории отечественного Военно-морского флота /1905-2005 гг./: Дисс. канд. ист. наук. М., 2007.

нию «Морского сборника» 75 000 (семьдесят пять тысяч) рублей ввиду последовавшего после составления сметы повышения ставок оплаты труда журналистов».

На его страницах обсуждались вопросы взаимодействия армии и флота, родов и сил флота, рассматривалась тактика действий подводных лодок, авиации, надводных кораблей. Много внимания уделялось практике работы штабов при подготовке и ведении различных видов боевых действий.

Полемические выступления ученых и военачальников о закономерностях вооруженной борьбы на море, о путях и способах достижения победы помогли советской военной науке вычленив из военно-морского искусства оперативное искусство, занявшее положение между стратегией и тактикой, чего не было и нет в западных флотах. Опубликованные в «Морском сборнике» статьи по использованию сил флота в различных видах боевых действий оказали значительную помощь в создании передовой для того времени теории военно-морского искусства, в выработке единства взглядов флотских командиров на способы ведения войны на море накануне схватки с фашизмом. В тот период журнал много внимания уделял делу возрождения и строительства флота, модернизации кораблей, в том числе подводных лодок, повышению боевой выучки экипажей.

Повышению авторитета «Морского сборника» во многом способствовали выступления руководящего состава ВМФ: Р.А. Муклевича, В.М. Орлова, М.В. Викторова, К.И. Душенова, И.К. Кожанова, Н.Г. Кузнецова, И.С. Исакова и других.

В годы Великой Отечественной войны «Морской сборник» активно содействовал флоту в решении поставленных задач. На его страницах освещались боевая деятельность и положительный опыт наших флотов и флотилий, давался материал по тактике ВМС противника. Журнал знакомил читателей с оружием и техникой врага. Уже в этот период им уделялось много внимания анализу военно-морского искусства в Великой Отечественной и Второй мировой войнах. Обобщающий материал по наиболее крупным событиям на море был дан в серии статей Адмирала Флота Советского Союза И.С. Исакова «Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне». В суровые годы Великой Отечественной войны журнал многое сделал для обобщения и распространения боевого опыта, для ознакомления с организацией, техникой и тактикой действий противника на морских театрах. В «Морском сборнике» систематически предоставлялось слово работникам Наркомата ВМФ, командующим флотами и флотилиями, офицерам Главного морского и других штабов. Его активными авторами являлись преподаватели Военно-морской академии и военно-морских училищ, видные специалисты и ученые, например, В.А. Белли, А.Н. Крылов, Н.Б. Павлович.

В послевоенные годы в связи с научно-технической революцией в военном деле на кораблях стали внедряться автоматические и радиоэлектронные приборы, телеаппаратура, ракетное оружие. Основу боевой мощи ВМФ составили атомные подводные лодки и ракетноносная авиация. Коренным образом изменились тактико-технические свойства надводных кораблей, возросли боевые возможности морской пехоты, других сил флота. Все это потребовало от офицерских кадров глубокого пересмотра взглядов на использование сил в морской операции, современном морском бою, организации взаимодействия с другими видами Вооруженных сил. «Морской сборник» стал помогать офицерам в овладении командирскими навыками, раскрывать роль научно-технического прогресса в повышении обороноспособности страны, нацеливать военных моряков на необходимость поддержания высокой готовности кораблей и частей. В 60-е годы прошлого столетия «Морской сборник» помогал офицерам флота овладевать необходимым комплексом военно-технических знаний. В его публикациях отражались вопросы совершенствования оружия и техники, их эксплуатации и тактики применения в новых условиях, когда обновленный Военно-морской флот СССР вышел на океанские просторы.

На страницах журнала неоднократно проводились плодотворные научные дискуссии на темы: «О содержании и периодизации истории военного и военно-морского искусства», «О предмете исследования тактики», «О теории Военно-морского флота», «О взаимодействии» и др.

18 июня 1980 г. за заслуги в воинском воспитании военных моряков и мобилизации их на успешное решение задач по защите Родины журнал «Морской сборник» награжден орденом Красной Звезды¹.

Наряду с распространением военно-научных знаний и передового опыта важное место в журнале отводится вопросам воинского воспитания, мобилизации личного состава на доскональное изучение оружия и боевой техники, укрепление воинской дисциплины, организованности, дальнейшее повышение бдительности и боевой готовности.

Коллекцию номеров журнала нередко называют военно-морской энциклопедией. И не без основания. Ознакомившись с содержанием «Морского сборника» за семнадцать десятилетий, можно получить полное представление об эволюции технических возможностей и взглядов на использование различных сил флота: от галерного парусного до парового броненосного, от прибрежного маломощного «москитного» до океанского могучего ракетного, атомного. Все годы своего существования «Морской сборник» был другом, собеседником и советником военных моряков. Таким он остается и поныне.

Олег Половенко.

От редакции: редколлегия журнала «Актуальные проблемы МГП и СМИ» поздравляет коллектив «Морского сборника» со 170-летием. Желаем дальнейших творческих удач и, как говорят моряки, семь футов под килем!

---

¹ О награждении журнала «Морской сборник» орденом Красной Звезды: Указ Президиума Верховного Совета СССР // Морской сборник. 1980. № 7. С. 3.

Матвеева Татьяна Дмитриевна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права юридического факультета им. М.М. Сперанского Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.
E-mail: academia20082008@yandex.ru

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА

Сегодня мы начинаем публиковать серию учебно-методических материалов, подготовленных членом редколлегии нашего журнала, доктором юридических наук, профессором Т.Д. Матвеевой. В их основу легли авторские лекции, прочитанные Татьяной Дмитриевной в российских и иностранных вузах. Учебно-методические разработки позволят лучше уяснить сущности гуманитарного права, достичь понимания сферы применения МГП, его действия во время конфликтов международного и немеждународного характера, лучше ориентироваться в основных источниках современного международного гуманитарного права и т.д.

1. Цели, принципы, субъекты и источники международного гуманитарного права

Цели международного гуманитарного права

Международное гуманитарное право – *отрасль международного права, которая представляет собой совокупность обязательных для государств правовых норм, направленных на защиту жертв вооруженных конфликтов международного и немеждународного характера и на ограничение средств ведения войны.*

Как комплекс норм, направленных на упорядочение отношений между государствами или другими сторонами вооруженного конфликта, международное гуманитарное право выполняет как *регулятивную*, так и *превентивную* функции.

Цель международного гуманитарного права – обеспечение равновесия между военной необходимостью и гуманностью в ходе вооруженных конфликтов.

Актуальность международного гуманитарного права возрастает по мере осознания того, что усиление в современном мире различных, во многом «обновленных», видов международных угроз, которые направлены, прежде всего, *против человека*, требуют прогрессивного развития международно-правовых норм и механизмов, призванных его защищать. Опасность вооруженных конфликтов возрастает вследствие фактического отказа государств от провозглашенного международным правом отказом *от войны как средства решения споров*.

Президент России В.В. Путин, выступая в октябре 2015 г. на итоговой пленарной сессии форума Международного дискуссионного клуба «Валдай» «*Война и мир: человек, государство и угроза большого конфликта в XXI веке*», обращаясь к словам Льва Толстого, который назвал войну «*противным человеческому разуму и всей человеческой природе событием*», признал, что «приобретенный после двух мировых войн «*антивоенный иммунитет, который существовал буквально на психологическом, подсознательном уровне, стал ослабевать*», а «само восприятие войны изменилось: для зрителей у экранов телевизоров она превратилась сегодня в *зрелищную медийную картинку...*».

Очевидной угрозой человечеству является и то, что *фактически легализовано применение в ходе вооруженных конфликтов ядерного оружия*, губительное действие которого на все живое на земле доказано. Трагично то, что о *войне*, причем о войне с применением оружия, которое правомерно квалифицируется как проявление «ядерного геноцида»¹, говорится как о вполне возможной перспективе. *Закат системы нераспространения смертоносного оружия* массового уничтожения, его расползание по миру оправдываются концепцией «ядерного сдерживания», а возможность его применения допускается в качестве «обезоруживающего удара» или «оружия возмездия».

Так называемое «экспертное сообщество» с легкостью угрожает превратить противника «в ядерный пепел», забывая о том, что в этом пепле погибнут, прежде всего, мирные люди, что наглядно продемонстрировали в августе 1945 г. американские атомные бомбардировки японских городов Хиросимы и Нагасаки.

Субъекты международного права

¹ В качестве первого шага в направлении запрещения обладания ядерным оружием и возможности его применения предлагается принятии Декларации о предотвращении и наказании за преступления ядерного геноцида. Определение «ядерного геноцида» как угрожающего «человеческому существованию» впервые было дано Комитетом по оценке ущерба, причиненного атомными бомбардировками Хиросимы и Нагасаки. См.: Lippman M. Nuclear Weapons and International Law: Towards a Declaration on the Prevention and Punishment of the Crime of Nuclear Humancide. Loyola of Los Angeles International and Comparative Law Review. Vol. 8, 1986.

Основными субъектами международного гуманитарного права являются государства, а также другие стороны вооруженного конфликта. В наше время ими могут выступать группы населения, ведущие вооруженную борьбу за реализацию своего права на самоопределение. Важным субъектом международного гуманитарного права является основатель гуманитарного права, и сегодня принимающий активное участие в реализации его норм, - Международный Комитет Красного Креста (МККК), наделенный

определенными полномочиями в силу норм международного гуманитарного права. К субъектам международного права следует причислить и физических лиц, в частности, в контексте их индивидуальной уголовной ответственности за нарушения международного гуманитарного права, а также Международной уголовный суд.

Принципы международного гуманитарного права

Как отрасль международного права, международное гуманитарное право воспринимает понятие «общие принципы современного международного права» как основополагающие, общепризнанные и общеобязательные правила поведения участников межгосударственных отношений, носящие нормативно-правовой характер, обладающие высшей юридической силой, составляющие юридическое ядро всей нормативной системы международного права. Одновременно международное гуманитарное право, регулирующее особый вид международных отношений, обладает особым набором *принципов*, более адаптированным к сфере вооруженных конфликтов и направленным на смягчение жестокости войны и проявление заботы к ее жертвам. Принципы международного гуманитарного права содержатся в различных международных договорах и обычаях.

К *основным принципам международного гуманитарного права* относятся гуманность, военная необходимость, соразмерность, проведение различия, запрещение причинения излишних страданий, независимость *jus in bello* от *jus ad bellum*.

Источники международного гуманитарного права

Под *источниками международного гуманитарного права* следует понимать формы выражения и закрепления его норм.

Основными источниками международного гуманитарного права, которое в настоящее время является достаточно кодифицированной отраслью международного права, являются принципы как общего международного права, так и специальные международные договоры (многосторонние и двусторонние), а также международные обычаи.

Среди договорных источников международного гуманитарного права можно выделить следующие: Санкт-Петербургская декларация об отмене употребления взрыв-

чатых и зажигательных пуль 1868 г.; Гагская декларация о запрещении применять пули, легко разворачивающиеся или сплюсывающиеся в человеческом теле, 1899 г.; Гагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г.; Женевская конвенция о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств 1925 г. Важнейшим источником МГП являются Женевские конвенции о защите жертв войны 1949 г.: I – «Об улучшении участи раненных и больных в действующих армиях»; II – «Об улучшении участи раненных, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море»; III – «Об обращении с военнопленными»; IV – «О защите гражданского населения во время войны». В развитие данных конвенций 1949 г. были приняты Дополнительные протоколы I и II 1977 г. к Женевским конвенциям о защите жертв войны, Гагская конвенция о защите культурных ценностей 1954 г.; Конвенция о запрещении производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении 1972 г.; Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения и имеющими неизбирательное действие, 1980 г. и пять протоколов к ней: I – «О необнаруживаемых осколках»; II – «О запрещении или ограничении применения мин, мин-ловушек и других устройств» с поправками, внесенными 03.05.1996 г.; III – «О запрещении или ограничении применения зажигательного оружия»; IV – «Об ослепляющем лазерном оружии»; V – «По взрывоопасным пережиткам войны» от 2003 г.; Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и его уничтожении 1993 г.; Оттавская конвенция о запрещении применения, накопления запасов, производства и передачи противопехотных мин и об их уничтожении 1997 г.; Дополнительный протокол III, касающийся новой отличительной эмблемы 2005 г.; Конвенция по кассетным боеприпасам 2008 г.

2. Становление международного гуманитарного права

Зарождение и развитие международного гуманитарного права

В различные времена в различных регионах мира предпринимались отдельные попытки

подчинения вооруженных конфликтов определенным правилам. В Древней Индии законы Ману устанавливали запреты на убийство безоружных, раненых и сдавшихся, на использование отравленного оружия и пр. Вавилонский царь Хаммурапи установил законы, чтобы «не дать сильным покорить слабых». В Древней Греции и Римской империи проводилось различие между войнами справедливыми и несправедливыми, открытию театра военных действий должно было предшествовать объявление войны и пр. Возникновение и распространение авраамических религий – иудаизма, христианства и ислама – на Ближнем Востоке, в Средиземноморье, Европе способствовали дальнейшему распространению идеи гуманизма. Христианство, основываясь на постулатах о любви к ближнему, стремилось распространить элементы гуманизма на средневековые войны, что нашло отражение в трудах бо-

гословов Блаженного Августина, Фомы Аквинского, а также в установлениях церковных и вселенских соборов. Так, соборы в Шару 989 г., Нарбонне 990 г., Ансе 994 г. объявляли неприкосновенность церковных храмов и определенных групп лиц (священнослужителей, бедняков, торговцев, паломников и др.). Эльнским 1027 г. и Монтриондским 1041 г. соборами устанавливались перемирия на время христианских праздников, а Латеранский собор 1139 г. вводил запрет на использование арбалетов. Значительный вклад в гуманизацию войн внес ислам, запрещающий насилие, увечья, пытки в отношении противника, устанавливающий неприкосновенность детей, женщин, стариков, калек, больных, а также мусульманских храмов.

Позднее отдельные религиозные ордена (Мальтийский орден, орден св. Камилла и др.) стали подбирать и выхаживать больных и раненых.

Развитие человеческой цивилизации сопровождалось научным, техническим и промышленным прогрессом. Появление огнестрельного оружия, изменение спо-

способов ведения отражались на масштабах военных действий и связанных с этим потерь. По мере совершенствования средств ведения войны, естественным образом назревала насущная потребность в выработке международных правил, применяемых при вооруженных конфликтах, а также в установлении контроля за проведением военных действий.

У истоков гуманитарного права стоял выдающийся голландский ученый Г. Гроций (1583–1645), который под впечатлением злодеяния Тридцатилетней войны (1618–1648) написал трактат «О праве войны

и мира»¹. Признавая неизбежность войн, Г. Гроций призывает «начинать их осмозрительно» и вести в соответствии с принципами права и гуманности. Он предлагает «смягчать» последствия войны, в особенности в отношении некомбатантов («стариков, женщин, детей, пленных»). Ряд принципов ведения войны, сформулированных им, были отражены в Женевской конвенции об улучшении участи раненых и больных воинов во время сухопутной войны 1864 г.

В работах мыслителей (Монтескье, Ж.Ж. Руссо и др.) также высказывались идеи об ограничении неоправданного насилия во время вооруженных конфликтов. Французский писатель и философ Жан Жак Руссо (1712–1778) в трактате «Об общественном договоре» писал: «Война – это отношение не между людьми, а между государствами, а люди становятся врагами случайно, не как человеческие существа, не как граждане, а как солдаты, однако солдатами люди остаются, только пока они воюют. А как только они сложили оружие, они вновь становятся просто людьми. Их следует щадить»².

¹ Гроций Г. О праве войны и мира. М., 1994.

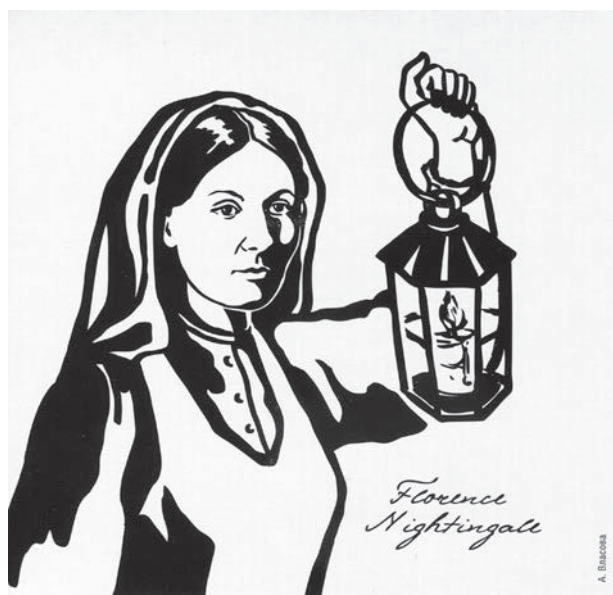
² Гассер Х.-П. Международное гуманитарное право: Введение. М., 1995.

3. Роль Международного Комитета Красного Креста (МККК) в становлении гуманитарного права как отрасли современного международного права

Первые международные соглашения, с принятием которых связывается рождение международного гуманитарного права, складывались под влиянием *швейцарского журналиста Анри Дюнана* (1828–1910). Он одним из первых привлек внимание мирового сообщества к тому факту, что на войне большинство личного состава гибнет не от поражения противником, а от ран и болезней, будучи оставленными на поле боя без всякой помощи. Особое впечатление произвела на А. Дюнана картина, которую он увидел в 1859 г. на поле сражения при итальянском местечке Сольферино во время франко-итало-австрийской войны. К концу сражения на ночном поле остались 6 тыс. убитых и 36 тыс. брошенных раненых. Потрясенный А. Дюнан написал книгу «Воспоминания о Сольферино», в которой содержались *предложения создать общество помощи раненым и созвать международную конференцию государств для обсуждения этого вопроса*. По инициативе его и его соратников, в частности Френсиса Либера и Гюстава Муанье, был создан *первый общественный комитет по защите раненых, который в 1863 г. превратился в МККК*.

В 1864 г. в результате деятельности Комитета и по инициативе Швейцарского Федерального Совета в Женеве была созвана международная дипломатическая конференция, на которой была принята *Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных воинов в действующих армиях от 22 августа 1864 г.* В 1868 г. была принята *Санкт-Петербургская декларация об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль*. Тем самым были заложены основы международного гуманитарного права, и международное сообщество включилось в процесс разработки международных

договоров, направленных на ограничение средств и методов ведения войны, улучшение участи раненых и больных, защиту гражданского населения и других лиц, охрану культурных ценностей и установление ответственности за серьезные нарушения законов и обычаев войны.

4. Право Гааги

Большой вклад в развитие законов и обычаев войны внесла Россия. По инициативе императора Александра II (1863) в Санкт-Петербурге проходила конференция, на которой 29 ноября 1868 г. была принята *Санкт-Петербургская декларация*

(о взрывчатых и зажигательных пулях). В Санкт-Петербургской декларации устанавливалось, что употребление оружия, которое «по нанесении противнику раны без пользы увеличивает страдания людей, выведенных из строя, или делает смерть их неизбежною, должно признавать не соответствующим» цели ослабления военных сил неприятеля.

Россия активно участвовала в Брюссельской конференции 1874 г. по кодификации правил и обычаев войны, а также Гагской мирной конференции 1899 г.¹ Большой вклад в проведение этих конференций и принятых на них международных актов внес выдающийся отечественный юрист-международник и дипломат *Ф. Ф. Мартенс*, которого считают «автором программы» Первой Гагской конференции мира 1899 г.² В ходе Конференции была принята Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны, в преамбулу которой была включена известная «оговорка Мартенса», суть которой состояла в ограничении произвола военных начальников в отношении гражданских лиц и комбатантов и постановку их под защиту международного права. В 1899 г. Ф. Ф. Мартенс предложил принцип, согласно которому в случае возникновения ситуаций, прямо не предусмотренных международным гуманитарным правом, «население и воюющие остаются под охраной и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаями, из законов человечности и требований общественного сознания». *Оговорка Мартенса* вошла в ст.ст. 63/62/142/158 Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г., а также в ст.1(2) Протокола I от 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г.

Вторая Гагская конференция мира, которая проходила в 1907 г., сыграла важную роль в дальнейшей кодификации законов и обычаев войны, что определило *первый этап гуманитарного права* — «право Гааги».

5. Право Женевы

Со времени принятия Устава ООН, запретившего прибегать к военной силе как к средству решения споров, война была поставлена вне закона. Преамбула Устава гласит, что целью ООН является «избавить грядущие поколения от бедствий войны, дважды в нашей жизни принесшей человечеству невыразимое горе...». Как подметил

¹ Гассер Х.-П. Международное гуманитарное право: Введение. М., 1995. С. 98-99.

² См.: Пустогаров В.В. С пальмовой ветвью мира. М., 1993.

голландский ученый *Мартен Званенберг*, автор исследования «Объединенные нации и гуманитарное право», на том основании, что Уставом ООН война была поставлена вне закона, не считалось необходимым или, по крайней мере, бессмысленным рассматривать правила ее ведения»¹. Следствием стало исключение из контекста деятельности ООН вопросов защиты прав человека, в частности, права на жизнь в ходе любых вооруженных конфликтов.

«Право войны» стало основным предметом нормотворческой деятельности МККК, под эгидой которого были мобилизованы усилия стран мира по развитию «права войны» с учетом специфики новых вооруженных конфликтов.

При содействии МККК было принято четыре *Женевских конвенции от 12 августа 1949 г.*:

- «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях»;
- «Об улучшении участи раненых, больных и потерявших корабликорушение из состава вооруженных сил на море»;
- «Об обращении с военнопленными»;
- «О защите гражданского населения во время войны».

В 1977 г. были приняты дополнительные протоколы к Конвенциям 1949 г., касающиеся защиты жертв международных вооруженных конфликтов и немеждународных вооруженных конфликтов.

Эти и другие международно-правовые акты, объединенные под названием «право Женевы», являются основными источниками современного международного гуманитарного права. Они носят универсальный характер, так как их участниками является практически все мировое сообщество.

Все четыре Женевские конвенции ратифицированы 188 государствами, Дополнительный протокол № 1 – 152 государствами; Дополнительный протокол № 2 – 144 государствами.

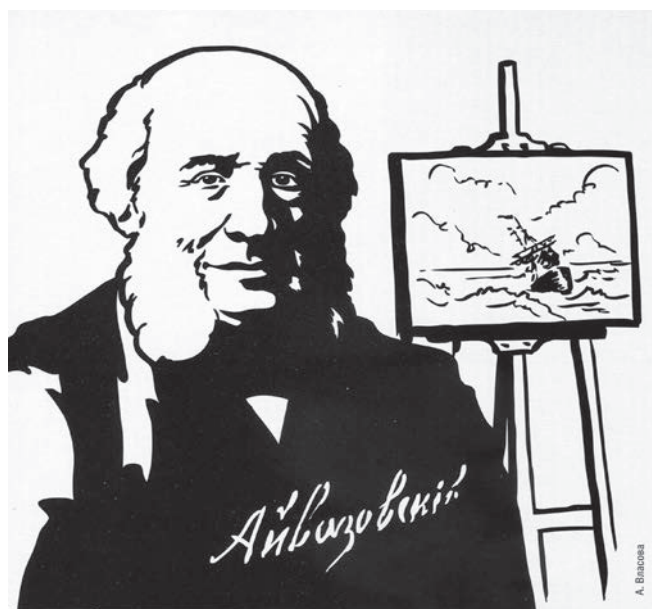
В мае 1968 г. на Международной конференции по правам человека в Тегеране прозвучал призыв МККК к Генеральному секретарю ООН «изучить перспективы развития международного гуманитарного права и предпринять конкретные шаги в этом направлении». В ответ на данное предложение государства-члены ООН лишь ограничились принятием 19 декабря 1968 г. Генеральной Ассамблеей ООН резолюции 2444

(XXIII) под названием «Уважение прав человека в ходе вооруженных конфликтов». В ней была признана необходимость применения органами ООН базовых принципов МГП.

¹ Zwanenburg Marten. United Nations and International Humanitarian Law. Max Planck Encyclopedia of Public International Law (PEPIL). May 2013. P. 53.

В декабре 1994 г. была принята резолюция ГА ООН 49/48 «Статус Дополнительных протоколов к Женевским конвенциям 1949 г., касающихся защиты жертв вооруженных конфликтов», а еще через десятилетие, в декабре 2005 г., Генеральная Ассамблея одобрила Основные принципы и руководящие положения, касающиеся права на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьезных нарушений международного гуманитарного права (A/RES/60/147). Как эти,

так и другие принятые Генеральной Ассамблеей ООН и Советом Безопасности резолюции, декларировали значимость международного гуманитарного права и «важность» Женевских конвенций.

Международный Суд ООН обращается к Женевским конвенциям как источнику международного права и к решениям МККК – как вспомогательному средству принятия решений, что можно рассматривать как вклад в развитие международного гуманитарного права. Прогрессивному его развитию, включение в «право ООН» норм, закрепивших необходимость применения его принципов и норм при проведении операций ООН по поддержанию мира¹.

Литература

1. Батырь В.А. Международное гуманитарное право. Учебник для вузов. М., 2006.
2. Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов: Курс лекций юридического факультета Открытого Брюссельского университета. М.: МККК, 2000.
3. Дюнан А. Воспоминания о битве при Сольферино. М., 1995.
4. Ледях Н.А. Защита жертв войны и прав человека в период вооруженных конфликтов // Рос. ежегодник междунар. права. СПб, 2011.
5. Матвеев Д.Ю. Право на жизнь в условиях вооруженного конфликта. / Российский ежегодник европейской конвенции по правам человека. №1 (2015). С. 123-140.
6. Матвеева Т.Д. Роль ООН в контексте прогрессивного развития международного гуманитарного права / Рос. ежегодник междунар. права. Специальный выпуск. СПб, 2016.
7. Международное гуманитарное право: учебник / Под ред. А.Я. Капустина. 2-е изд., испр. и доп. М., 2011.

¹ См.: Shraga. D UN Peacekeeping Operations: Applicability of International Humanitarian Law and Responsibility for Operations-Related Damage The American Journal of International Law. Vol. 94, No. 2. Apr., 2000.; Glick R. Lip Service to the Laws of War: Humanitarian Law and United Nations Armed Forces, 17 MichJIntlL, 1995.; Hampson F. States Military Operations Authorized by the United Nations and International Humanitarian Law// Condorelli L. AM La Rosa and S Scherrer (eds) Les Nations Unies et le droit international humanitarian. Paris, 1996; Reliance on norms of humanitarian law by United Nations' organs// Delissen A.J.M., Tanja G.J. (eds.) Humanitarian law of armed conflict – challenges ahead, Essays in honors of Frits Kalshoven, Dordrecht/Boston/London, 1991.

8. Мелков Г.М. Международное право в период вооруженных конфликтов. М., 1986.
9. Мельцер Н. Международное гуманитарное право. Справочное издание МККК. М., 2017.
10. Пикте Ж. Развитие и принципы международного гуманитарного права. МККК. М., 1994.
11. Русинова В.Н. Права человека в вооруженных конфликтах: проблемы соотношения норм международного гуманитарного права и международного права прав человека. М.: Статут, 2015.
12. Сассоли М., Буавье А. Правовая защита во время войны. В четырех томах. Том I. М.: МККК, 2008. С. 148; Батырь В.А. Международное гуманитарное право: учебник для вузов. М., 2016.
13. Тиунов О.И. Современные проблемы международного гуманитарного права: к 100-летию Гаагской конференции мира // Рос. ежегодник междунар. права. СПб, 2007.

Татьяна Матвеева.

Карпов Борис Васильевич, военный журналист, член Союза писателей России.

ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ РЕДАКЦИОННОГО ЗАДАНИЯ

Приказом Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации от 27 ноября 2017 г. № 502 в списки личного состава редакции журнала «На боевом посту» войск национальной гвардии РФ навечно зачислен старший лейтенант Анатолий Ягодин, погибший в апреле 1996 г. при выполнении редакционного задания на территории Чеченской Республики.

До ноября 2017 г. ни разу в списки личного состава какой-либо воинской части или учреждения, корабля или учебного заведения не был зачислен военный журналист. Впервые это произошло в войсках национальной гвардии России.

СПРАВКА

Увековечение памяти солдат и офицеров, сотрудников силовых структур, погибших при исполнении воинского долга, — одна из старейших российских воинских традиций, насчитывающая более 170 лет. Впервые этой чести в ноябре 1840 г. был удостоен солдат 1-й гренадерской роты Тенгинского пехотного полка рядовой Архип Осипов, взорвавший пороховой погреб Михайловского укрепления вместе с собой и врагами, ворвавшись на территорию форта.

К 1909 г. в русской армии навечно в списки полков и бригад были зачислены 10 человек.

После Октябрьской революции традиция на время прервалась и возродилась лишь в начале 1920-х гг.

Традиция получила массовое распространение после Великой Отечественной войны, когда в списки полков, бригад, кораблей и отдельных батальонов были зачислены свыше 350 героев, совершивших подвиги в боях с фашистами. К 1 января 1990 г. в списках личного состава воинских частей, кораблей и военноучебных заведений Вооруженных Сил СССР значились 412 павших смертью храбрых защитников Родины.

Не угасла славная традиция и в Российской Федерации.

***

Здравствуйте, мои друзья, здравствуйте!
Как живете без меня? Хвастайте.
Не скрывайте от друзей горести,
Сообщайте веселей новости...

Не стесняйтесь - я пойму, кто соврет,
Я же сам могу загнуть анекдот.
Я того приветствую хохмача,
Что по жизни шествует хохоча.

Я перед вами весь как есть.
Ты и вы для меня — как родня.
Не тесна нам тропа торная,
Хоть бывает и на ней трава сорная.

Мне без вас, мои друзья, — маета,
И замучила меня суета.
Мне любой погожий день — ну как горчичник,
Если нет со мной друзей закадычных.

С вами ж раньше, как бывало,
Я красив, налажен, юн,
И звенит моя гитара
Всей полдюжиною струн.

С вами море по колено,
По пупок вершины гор,
И могу я задней левой
Повалить любой забор.

Так берите же меня — вот я весь!
Как живете без меня — жалуйтесь...

(Анатолий Ягодин. «Друзья»)

Стихи, что выше, наверное, впервые опубликованы. Нашел в архиве рукопись Толину, оставленную на помин его души. Вот — читайте, друзья, поминайте...

И фотография его — в тельняшке, с гитарой — последняя прижизненная, сделанная в землянке краснодарской части внутренних войск в ночь на то самое 18-е апреля, про которое другой наш редакционный поэт полковник Алексей Карев сказал тогда:

Восемнадцатого апреля,
В бесконечном чеченском бреду,
Мы еще на одну постарели
В сердце выстрелившую беду...

Здесь выстрел в сердце — поэтическая фигура речи, меткий образ. В Толика нашего под теми самыми черными Самашками пуля попала самая всамделишная, калибра 5,45.

На броне танка в пять минут домчали его до села, но...

Вот несколько рукописных строк из формализованного документа под названием «Врачебное свидетельство о смерти № 155»: «Чечня... Самашки... на поле боя... Ягодин Анатолий Венедиктович... 1961, март, 29... 1996... апрель... 18... 11.30... от боевой травмы, полученной в районе боевых действий... острая массивная кровопотеря... огнестрельное пулевое сквозное ранение грудной клетки с повреждением нижней доли правого легкого и печени...

Республика Чечня в районе боевых действий при исполнении обязанностей военной службы... ПАО в/ч 41567... Патологоанатом Омелько А.А.»

Подпись имеется. Имеется и гербовая печать в/ч с гербом... СССР (!).

Такая вот, братцы, проза жизни и смерти, такая вот жестокая документалистика...

17 апреля мы допоздна засиделись в редакции. В Чечне обстановка хреновая: вчера «духи» армейскую колонну раздолбали. Как же так, мужики, думаем, неужели поддались на успокоения высоких «миротворцев»? Вчера же четверо наших ребят туда улетели: где они, как? Заговорили о Толе Ягодине. Начальник отдела войсковой жизни полковник Юрий Кислый сказал, помню: «Прекрасный репортаж Толя сделал! Мужика тебе бы в отдел забрать: и очерки о людях душевные пишет, и на публицистику выходит серьезную. Слово чувствует. Божий дар имеет. Молодчага!»

Да я Анатолия уж давным-давно знал! Он даже как-то назвал меня «крестным отцом» в журналистике. Я был еще редактором "дивизионки", и познакомились мы

с ним на одной из встреч с читателями. Дивизия эта - по охране важных государственных объектов и народ там подобран был серьезный. Прапорщик Ягодин был из таких. Срочную служил в 4-м полку и артдивизионе знаменитой «Дзержинки»: стрелок, командир расчета, замкомвзвода, врид командира взвода, сержант. На сверхсрочной в «спецах» начинал контролером, а по окончании курсов прапорщиков стал начальником смены. Тут-то мы его и отловили, прознав, что пишет стихи и песни «под Высоцкого».

В «Зорком часовом», газете Московского округа внутренних войск, несколько лет он был самым писучим «многостаночником», выдавал заметки, корреспонденции, репортажи в номер, глубокие очерки и яркие зарисовки.

В общем, со временем созрел Ягодин для войскового журнала — взяли мы его.

У нас с Толиком были и общие герои публикаций — комбат Арсентьев, например, полковник Завизионов. Первый вырос позже до полковника, второй — до генерал-лейтенанта... Были у нас и свои общие любимчики — софринская бригада, одна из первых во внутренних войсках отправившаяся в трудный поход по пресловутым горячим точкам.

Он любил своих героев, они крепко уважали военкора Ягодина. Помню, как-то в Грозном, в самом начале войны, в январе 95-го, завел о нем разговор с его старшим начальником, благо в одной палатке ночевали, на соседних койках, у тех же софринцев. Заместитель командующего войсками округа, без пяти минут (вернее, без нескольких дней) генерал-майор Георгий Владимирович Веренич незлобиво ворчал: «Лучших людей у нас забираете». Я парировал: «А нам и нужны лучшие. Вашему же округу честь». В декабре, уже в Гудермесе, снова встретились с тем же генералом, на этот раз в расположении питерской бригады. «Ну, как там наш Ягодин?» - «Был вашим, стал нашим. Отлично пишет. Спасибо за кадры».

«Долги»

Еще не розданы долги,
Их ждут друзья, не ждут враги.
Недолго их осталось ждать —
Настало время отдавать.

Иду к друзьям — готов платить.
Меня сажают есть и пить
За полон стол еды-питья.
«Спасибо вам, мои друзья!»

Я сыт и даже пьян слегка,
Течет беседа как река —
Уносит не куда-нибудь,
А в прошлое свой держит путь.

«А помнишь?..» - «Помню все, дружок,
А ты-то помнишь?» - «Разве ж мог

Такое, братцы, я забыть.
Вот и пришел, чтобы платить».

«Ну, ты даешь! Ну, ты сказал!
Ты расскажи, где пропал,
Как жизнь сложилась, наконец...
А то, что помнишь, молодец».

Я до утра им песни пел,
Какие знал и как умел.
И вот услышал поутру:
«Теперь мы у тебя в долгу».

Когда прощались у дверей,
Я обнимал своих друзей,
Всем обещал: «Не простужусь!»
(И твердо верил — пригожусь).

«Враги мои, я ваш теперь».
Но не спешат открыть мне дверь.
Дуэлей хватит избегать! —
И мне оружие выбирать.

Открыли дверь, но... траур в доме,
Цветы и крышка на балконе.
Я в изумленье: как же так? —
Скончался самый главный враг.

Судьба сыграла шутку злую.
Ну что ж, на крышку гробовую
Бросаю первым глины ком —
Он был отчаянным врагом...

Был он человеком порядочным и честным, несуетливым, обстоятельным. Пришел к нам в журнал, а дотошный кадровик его тут же в округ возвращает: «Анатолий Венедиктович, в личном деле вы еще прапорщиком значитесь — непорядок! Пусть запись сделают о присвоении вам первого офицерского звания «лейтенант». Анатолий отправился к прежнему месту службы. Через какое-то время возвращается, заходит, как-то недоуменно улыбается: «Елки зеленые, я-то уже старлей, оказывается, досрочно! Что делать, Васильич?» - «Что, что — третью звездочку обмывать. Беги в гастроном...»

Врастать, что называется, в обстановку, ему не пришлось. Чечня горела вовсю, а из нашей редакции по разным причинам ушли — кто в другие «силовые» ведомства, кто в запас, несколько активных журналистских «штыков». Репортажи из района боевых действий шли с колес, войска несли потери и надо было писать о павших бойцах и командирах, ободрять идущих в бой.

Толя поехал на «недужный войной Кавказ» безропотно, и вовсе не потому, что был младшим по званию в редакции и принужден был повиноваться по службе полковникам. Надо было ехать на войну, в свои войска, и он повиновался жестокой необходимости. Хотя многие и в Москве, и там уже, в первые его два дня командировки, замечали-чувствовали в нем какую-то необычную замкнутость, задумчивость.

«Но как бы тогда я в глаза вам смотрел, / Если б выжить мне довелось?» – тот его риторический вопрос тогда уже прозвучал.

Теперь, спустя годы, когда снова и снова обращаемся к подробностям его биографии, перечитываем его раздумчивые стихи и обычные с виду журналистские работы, остро понимаем, что предвстие, предчувствие, какие были у Анатолия, свойственны и проявляются лишь в натурах особенных.

Один из его чеченских очерков – «Ореховский поход старшины Суяркова», написанный по-репортажному динамично, без нарочитой литературщины, дает читателю некие эскизы, наброски тех смертельных обстоятельств, которые вскоре встретят самого военкора Ягодина в тех же гиблых местах под Самашками:

«Умыться бы сейчас да попить холоденькой водички. Да-а, с питьем здесь напряженка...

Первую экспедицию за водой доверили возглавить старшему прапорщику Суяркову. Обстановка в то время в Грозном была хреновая, поэтому для сопровождения АРСа выделили бэтээр. Кроме механика-водителя и наводчика под броню посадили десант – двух автоматчиков...

План Суяркова сработал на все сто. Бригада получала до четырех АРСов в день. Хватало и на приготовление пищи, и на умывание. Даже на ежедневную баню...»

И в тот роковой день, 18 апреля 96-го Анатолий сидел на броне танка, идущего в конвое водовоза-АРСа. Ягодин планировал остаться на блокпосту, поговорить с войсковым народом, написать очередной свой путевой очерк.

Засада скрывалась в самашкинском лесу, в десятке метрах от дороги. Граната из РПГ скользнула по башне, не причинив вреда, а вот бандитских автоматных стволов было слишком много, чтобы успеть спрятаться от жалящего роя пуль...

За те двадцать с лишним лет, что с нами нет Анатолия, его земляки, сослуживцы по внутренним войскам, коллеги стараются сохранять о нем память. Ежегодно проводится турнир по рукопашному бою, посвященный старшему лейтенанту Ягодину. Поначалу он проходил в знаменитой спортивной школе «Самбо-70» в Москве, в последние годы эти соревнования Центральный спортивный клуб войск национальной гвардии проводит в городе Кстово, на родной для Ягодиных нижегородской

земле. Чтобы помнили... А ведь поначалу приходилось слышать скептическое и очень обидное для нас: «Турнир этот — для рекламы журнала».

Памяти земляка посвящен и боксерский юношеский чемпионат в Ворсме Павловского района, где Анатолий родился и вырос. В средней школе №2 им.В.Маяковского, которую окончил наш друг, есть стенд и памятная доска. Скромную мемориальную доску офицеры нашей редакции установили и на его отчем доме. Собрали мы и книжку с горьким названием «Если б выжить мне довелось...» Нашем дорогому товарищу остается жить в нашей памяти...

18 апреля приезжаем на Митинское кладбище. Анатолий Ягодин упокоился здесь рядом с боевыми друзьями. Красные гвоздики кладем к могилам краснозвездовца полковника Владимира Житаренко, погибшего в первую чеченскую новогоднюю ночь, Героя России московского омоновца капитана Виктора Адамишина, принявшего последний бой 7 апреля 95-го в Самашках, к чернобыльскому мемориалу над захоронением первых жертв той трагедии. Все — наши...

Толик с портрета на черном граните глядит на нас, будто спрашивает: «Как живете без меня?»

Мы-то, Толик, слава Богу, живем...

Покамест живы, будем отдавать долги...

Борис КАРПОВ

Фото Андрея РОДНОВА и Олега СМИРНОВА

КОНКУРС НАУЧНЫХ СТАТЕЙ «СМИ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА»

Институт журналистики, коммуникации и медиаобразования Московского педагогического государственного университета совместно с Союзом журналистов Москвы объявляет межвузовский конкурс научных статей «СМИ и актуальные проблемы международного гуманитарного права».

К участию в конкурсе приглашаются студенты бакалавриата и магистратуры, обучающиеся по направлениям: «Журналистика», «Реклама и связи с общественностью», «Юриспруденция».

Конкурсная комиссия принимает к рассмотрению рукописи объемом не более одного авторского листа, набранного в текстовом редакторе Word через два интервала, с концевыми ссылками на использованные источники.

Работы необходимо прислать в адрес конкурсной комиссии (mgp_smi@mail.ru) до 1 марта 2019 г. Подведение итогов конкурса и награждение победителей состоится в апреле 2019 г.

К участию в конкурсной комиссии будут привлечены эксперты Центра исследований деятельности информационных структур и СМИ в условиях вооруженных конфликтов.

Лучшие работы будут опубликованы в научном журнале «Актуальные проблемы МГП и СМИ».

**Председатель конкурсной комиссии —
Виктор Николаевич Литовкин, военный обозреватель ТАСС.**

ОЛИМПИАДА «СМИ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА»

Институт журналистики, коммуникации и медиаобразования Московского педагогического государственного университета совместно с Союзом журналистов Москвы объявляет межвузовскую олимпиаду «СМИ и актуальные проблемы международного гуманитарного права».

К участию в олимпиаде приглашаются студенты бакалавриата и магистратуры, обучающиеся по направлениям: «Журналистика», «Реклама и связи с общественностью», «Юриспруденция».

Олимпиада состоится в апреле 2019 года на площадке Института журналистики, коммуникации и медиаобразования Московского педагогического государственного университета (Учебный корпус «ТАГАНКА» – Верхняя Радищевская улица, дом 16–18). Форма проведения – тестирование.

Заявки на участие просим присылать по электронному адресу: mgp_smi@mail.ru.

Результаты олимпиады будут опубликованы в научном журнале «Актуальные проблемы МГП и СМИ».

**Председатель жюри —
Виктор Николаевич Литовкин, военный обозреватель ТАСС.**

